

Маргарет Лэйрд

Континент чудес

Оглавление

Предисловие

1. Моя Африка
2. Встреча с удивительным человеком
3. Почему бы не Маргарет?
4. Со мной разговаривала бумага!
5. Бог все может!
6. Среди людоедов
7. Прокаженный Конги
8. Африканские будни
9. Поселенцы
10. Мананга, брошенный на куче пепла
11. Божья защита
12. Всего лишь женщина!
13. Орден Почетного Легиона
14. Они звали меня мамой

Предисловие

Более сорока лет Маргарет Лэйрд провела в самом сердце африканского континента. Она приехала в Африку в ранней молодости в начале двадцатых годов и стала трудиться как миссионерка-медсестра. Вся ее жизнь была посвящена служению африканскому народу. Следуя Божьему водительству, Маргарет многократно убеждалась, что Господь силен совершить чудо в любой ситуации. Особенно в тех случаях, где люди бессильны помочь, Бог всегда откликнулся на простую веру этой женщины. Оглядываясь на пройденный ею путь, мы видим, что ее следование за Господом сопровождалось множеством чудес, каждое из которых сама Маргарет расценивала как очередное проявление верности Божьей.

К середине шестидесятих годов из-за преклонного возраста служение Маргарет в Африке подошло к концу, она возвратилась на родину. В Америке Маргарет стала получать приглашения от многих церквей с просьбой рассказать о пережитом. Когда она делилась тем, что совершил Господь, слушатели убеждались, что жизнь этой женщины является ярким подтверждением истины, что Бог и в наши дни такой же сильный и всемогущий, как и во дни пророка Моисея, и останется таким навсегда.

Друзья Маргарет, понимая, что жизнь ее подходит к закату, были убеждены, что необходимо каким-то образом сохранить ее удивительные свидетельства о могущественном действии силы Божьей. Однако шли годы, но никто не предпринимал попыток сделать это. Наконец мы поняли, что Бог поручает это нам. В первую очередь мы прослушали и переписали на бумагу 18 часов магнитофонных записей, сделанных во время ее выступлений в разных церквях. Затем сама Маргарет приняла активное участие в обработке этих материалов. Работая над книгой, все мы искренне молились, чтобы через историю жизни Маргарет Лэйрд был прославлен наш Господь Иисус Христос.

Раймонд Бюкер и Филип Ландрум

1. Моя Африка

С давних времен, описывая Африку используют выражения "темный континент", "опасный континент", "темный гигант". Африку еще называют "континентом в процессе формирования". И хотя все эти названия отражают действительность, для меня Африка навсегда останется "континентом чудес".

Отплыв из Франции, наш корабль через 28 дней прибыл в один из портов западного побережья Африки. Затем еще несколько дней мы путешествовали вглубь континента до города Сибут. По приезде в Сибут я взялась за изучение языка санго, но через четыре месяца языком пришлось прервать, так как мне предложили переехать в селение Бангасу и открыть там французскую школу для местных жителей.

Путешествие в Бангасу длилось 12 дней. Местные носильщики несли на головах мой багаж, состоявший из пяти сундуков, а я ехала на велосипеде. Когда мы прибыли в Бангасу, силы мои были на исходе. Миссионеры, приютившие меня, в первый же вечер сказали: "Маргарет тебе нужно как следует отдохнуть, потому что на завтра назначена встреча с важными французскими чиновниками".

Я так устала в дороге, что должна была, по моим представлениям, моментально уснуть. Но это оказалось несбыточной мечтой - всю ночь на улицах раздавались крики, вопли и барабанный бой. Никогда в жизни я не слышала такого страшного шума! На следующее утро я поинтересовалась, что же происходило ночью.

- Твой приезд совпал с полнолунием, когда, по традиции, местные жители три ночи подряд танцуют у могилы султана Бангасу - объяснили мои хозяева.

- Ничего не понимаю - зачем танцевать у могилы умершего?

- Бангасу был великим султаном, Маргарет. Но за несколько минут все равно нельзя все объяснить, нам пора ехать. По пути в форт мы будем проезжать мимо его могилы, и ты увидишь сама.

Все это показалось мне очень странным: отмечать годовщину чьей-то смерти, танцуя всю ночь у его могилы? Когда мы подъехали к могиле султана, я удивилась еще больше: покрытое цементом место захоронения, в центре которого

возвышался штырь в форме спирали, занимало огромную площадь. Трава, окаймляющая цементную площадку, была вся вытоптана. Я спросила: "Зачем было цементировать такую огромную площадь, если в могиле захоронен всего один человек?"

Объяснение миссионеров заставило меня ужаснуться: "Видишь ли, в этой могиле захоронен не один человек. Когда султан умер, все его 300 жен были заживо похоронены вместе с ним. Кроме того, в могилу султана положили мешки с рисом и земляными орехами, корзины с копченым мясом и другие запасы, чтобы великий султан ни в чем не испытывал нужды во время длинного путешествия в загробный мир". Я была потрясена: триста заживо похороненных женщин! Трудно было поверить, что все это на самом деле произошло. Я в ужасе попыталась представить себе женщин, которых живыми опускали в могилу.

"Женщины, захороненные вместе с султаном, многие годы жили на положении рабынь, с ними обращались, как с животными, - продолжала свой рассказ миссионерка. - У них не было другого выбора, когда настал день сопровождать султана в потусторонний мир. Когда султан брал каждую из них в жены, ее родителям был дан выкуп, состоявший из нескольких коз, и семья считала большой честью, что их дочь была избрана в жены султану".

Даже после того, как мы уже въехали в форт и встретились с представителями французской администрации, я продолжала думать об участи несчастных женщин. Во время приема речь зашла о захоронении султана, и администратор пояснил: "Безусловно французские власти не одобряют подобных действий, но мы не в состоянии за короткое время изменить культуру и традиции этих людей. Кстати, несмотря на отдельные дикие обычаи, в общем они неплохие люди: не следует считать всех их свирепыми варварами. Султан Гетман, сын почившего султана, недавно возвратился из Европы - это была его третья поездка на европейский континент. На следующей неделе я устраиваю прием в его честь - приходите и вы, познакомьтесь с султаном".

Через несколько дней я присутствовала на званом обеде в честь султана Гетмана. Напротив меня за столом сидел человек, мать которого была заживо похоронена в числе 300 жен султана Бангасу. К моему удивлению, султан Гетман оказался довольно приятным человеком. Он исколесил всю Европу и замечательно владел французским. Султан Гетман свободно чувствовал себя за великолепно сервированным столом: он безошибочно пользовался столовыми приборами в полном соответствии с правилами французского этикета. Весь вечер он вел себя настолько уверенно и непринужденно что, глядя на него, трудно было поверить, что он причастен к варварским обычаям африканцев.

Согласно традициям, он мог иметь множество жен. Он мог потребовать, чтобы население всего региона кланялось ему, припадая к земле. Но в течение тридцати лет его правления султан Гетман был полной противоположностью своему отцу. Он имел одну жену, и она была христианкой. Этот необычный султан истратил значительную часть своего состояния на обучение проповедников для распространения Евангелия по всему краю, которым он управлял. В 1960 году его пригласили в столицу страны город Банги для участия в работе нового правительства, и султан оказал большое влияние на решения правительства в связи с переходом к независимости. По всей стране распространилась молва о безукоризненной христианской жизни султана Гетмана.

Ему было чуть больше пятидесяти, когда он серьезно заболел. Обследовав его, французские доктора пришли к выводу, что болезнь смертельна, и жить ему осталось недолго. Узнав об этом, султан Гетман позвал жену и выразил свою последнюю волю: "На моих похоронах не должно быть никаких языческих обрядов, как было на похоронах моего отца. Я знаю, что приедут высшие чины из Банги, соберется множество людей со всего региона. Не нужно оплакивать меня, не нужно произносить хвалебных речей. Я хочу, чтобы на моих похоронах проповедовалось Евангелие"

Султан сам избрал гимны, которые должны были петь на его похоронах, а своему другу-евангелисту поручил сказать проповедь. Желание султана было исполнено. На его похоронах, длившихся около трех часов, присутствовало более трех тысяч человек, среди них были президент страны и члены парламента. Проповедь на похоронах сопровождалась таким сильным действием Духа Святого, что задолго до призыва люди начали выходить вперед, желая принять Иисуса Христа как личного Спасителя.

Впоследствии африканцы долго еще говорили о том, как сильно отличались похороны султана Гетмана от похорон его отца. И все это потому что султан Гетман стал христианином и пережил в своей жизни преображающее действие Иисуса Христа. Контраст жизни двух султанов - отца и сына - одно из великих Божьих чудес в Африке, чему я сама стала свидетелем.

2. Встреча с удивительным человеком

Меня часто просят рассказать, что побудило меня стать миссионеркой в Африке. Пожалуй, лучше всего начать рассказ от истоков моей жизни. Родилась я в США 31 июля 1897 года, через три дня меня крестили в лютеранской церкви и назвали Маргарет. Мой отец по происхождению был ирландцем из епископальной семьи, мать была лютеранкой из Финляндии. Отец рано умер, мама осталась вдовой и одна растила нас.

Наша семья регулярно посещала церковь. Но когда я училась в колледже, произошел случай, чуть было не отпугнувший меня от церкви на всю жизнь. Я тогда изучала медицину в Колорадском женском колледже в Денвере. Учеба мне очень нравилась, а одна из преподавательниц, госпожа Джесси Робине, произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда я узнала, что по воскресеньям она проводит в своей церкви библейский разбор для девушек, то решила обязательно посещать его. Хотя эта церковь находилась в северной части Денвера, и мне нужно было полтора часа добираться туда на автобусе, я не отступала от принятого решения.

Во время рождественских каникул госпожа Робине указала мне на необходимость принять Христа в свое сердце. А произошло это так: к празднику я вышла для учительницы салфетку и ждала, пока все разойдется после занятий, чтобы поздравить ее с Рождеством и вручить свой подарок. Госпожа Робине поблагодарила меня, обняла за плечи и спросила: "Маргарет, понимаешь ли ты, что праздник Рождества Иисуса Христа - не просто добрая старая традиция? Сознаешь ли ты, что Христос сошел на землю, чтобы взять на Себя наши грехи и вознести их на крест и если человек верой принимает жертву Христа, то получает прощение грехов? Она предложила мне помолиться, и в тот день я отдала свое сердце Иисусу Христу.

Как-то после утреннего воскресного занятия с госпожой Робине я решила остаться на богослужение в ее церкви. Незадолго до начала собрания на скамью рядом со мной села пожилая женщина. Она представилась, я тоже назвала себя и добавила: "Вообще-то я хожу в другую церковь, потому что живу в противоположном конце города. А сюда я приезжаю

только в воскресную школу, на занятия госпожи Робине". "Вот как", - ответила моя соседка. Внимательно всмотревшись в меня, она воскликнула: "Ах, так это ты! Это о тебе она так усердно молится!"

Меня это задело, и я подумала: "О чем это она говорит?" А женщина продолжала:

- Ты ведь знаешь, что Джесси Робинс в молодости собиралась стать миссионеркой?

- Нет, я никогда не слышала об этом.

- Да, да! Джесси хотела уехать на миссионерское поле в далекую страну, но во время медосмотра обнаружилось, что у нее больные легкие. Врачи запретили ей ехать на миссионерское поле и посоветовали переселиться в Колорадо, где горный воздух пойдет ей на пользу. Переехав сюда и подлечившись, она настолько окрепла, что может теперь преподавать в женском колледже. Но все эти годы Джесси продолжает молиться, чтобы Бог нашел ей замену среди ее учениц и послал на миссионерское поле вместо нее.

Я слушала ее и с огорчением думала: "Так вот почему госпожа Робине так любезна со мной!" После этого я перестала посещать ее занятия, и моя жизнь резко изменилась: я стала избегать всего, что хоть как-то было связано с верующими. Полтора года я не ходила в церковь и сознательно пыталась отгородиться от Библии, от Бога, а главное - от возможности миссионерского служения.

Но однажды совершенно случайно я снова попала в церковь. Пошла я туда только потому, что моя соседка очень хотела послушать выступление еврея, ставшего христианином, и попросила меня поехать с ней, так как ее мать не разрешала ей по вечерам возвращаться одной. Евреем, которого мы пришли послушать, был Иосиф Флэкс. Рассказ о его жизни произвел на меня сильное впечатление.

Иосиф Флэкс иммигрировал в Америку из Польши. Чтобы заработать на жизнь, он занялся починкой стульев на улицах Бруклина. Он много и прилежно работал, а потом очень разумно вложил заработанные деньги в различные предприятия. Со временем он переехал в Сент Луис, открыл швейную фабрику и стал состоятельным человеком. Энергичный, преуспевающий господин Флэкс был хорошо известен в деловых кругах. В огромном доме, который они с женой купили, постоянно устраивались званые обеды.

Однажды в Сент Луис приехал евангелист Джипси Смит и на протяжении двух недель проводил евангелизационные собрания. Иосиф Флэкс никогда не обратил внимания на это событие, если бы не девочка-чешка, работавшая у него в швейной мастерской.

- Господин Флэкс, а почему бы вам не сходить на евангелизационное служение? Я уверена, что вам понравится, - робко предложила она, когда начальник проходил мимо ее рабочего стола.

Господин Флэкс с удивлением посмотрел на худенькую застенчивую девочку "Она даже не портниха и знает только, как пришивать пуговицы!" - с возмущением подумал он. - Может, ей и нужна религия, но я состоятельный человек, и как-нибудь обойдусь без Бога!" Он рассмеялся и отошел, ничего не сказав, а девочка, с надеждой ожидавшая ответа, огорченно опустила голову.

К его великому удивлению, на следующий день девочка снова робко обратилась к нему с приглашением посетить собрание. Господин Флэкс и на этот раз решительно отказался. Но девочка не сдавалась: каждое утро она подходила к хозяину с тем же предложением. Наконец, когда осталось только два дня до окончания евангелизационных собраний Джипси Смита, в девятый раз эта застенчивая работница пригласила господина Флэкса на евангелизационное служение.

- Я занят - сегодня вечером мы с женой приглашены на ужин. У меня нет времени, - отрезал он.

Хотя эта отговорка ничем не отличалась от других, девочка неожиданно расплакалась. Иосиф Флэкс был мягкосердечным человеком: слезы девочки тронули его и он пытался успокоить ее, но все было напрасно. Наконец, он спросил:

- Почему ты так сильно переживаешь об этом?

- Я много молилась, чтобы вы пошли на одно из собраний, а завтра уже последний день! Если бы вы пошли, то обязательно приняли бы Иисуса. Если вы не примете Его, то навсегда погибнете.

- И тебя это так сильно тревожит? Не переживай! Видишь, я сам совершенно не беспокоюсь об этом.

Но девочка ответила сквозь слезы:

- Господин Флэкс, вы просто не понимаете - если вы умрете, то попадете в ад!

Наконец, чтобы успокоить ее, господин Флэкс согласился пойти на богослужение. Он позвонил жене и сказал, что не сможет быть на званом ужине. После работы Иосиф Флэкс и девочка-чешка вместе пошли на евангелизационное собрание. Впервые в жизни Иосиф Флэкс был на христианском богослужении. То, что он увидел, произвело на него сильное впечатление. Его особенно поразила проповедь Джипси Смита. Когда богослужение закончилось, он сказал пригласившей его девочке: "Завтра я опять приду сюда!"

А на следующий день в конце богослужения самоуверенный гордец Иосиф Флэкс вышел вперед, стал на колени и раскрыл перед Иисусом Христом свое сердце. Приняв решение следовать за Христом, он стремился рассказать всем своим друзьям о Божьей любви. Но его свидетельство было принято в штыки. Даже его жена отказалась от него, устроив сцену в присутствии гостей. "Для меня ты мертв! - с досадой сказала она. - Я навсегда вычеркиваю тебя из моей жизни. Ты стал несносным фанатиком!"

Господин Флэкс был крайне подавлен этой сценой: он вышел из гостиной, поднялся в свою комнату, стал на колени и начал молиться. Во время молитвы он понял, какой путь приготовил для него Бог. На следующий день, переписав дом, бизнес и все свои сбережения на жену он простился с ней и уехал в Нью-Йорк. "Если уже раз в жизни я смог достичь успеха, то почему бы мне не попытаться опять?" - сказал он себе.

В Нью-Йорке ему не трудно было найти работу, так как он был хорошо знаком со швейным производством. Но его вскоре уволили за то, что он всем говорил о своей вере в Иисуса Христа. Наконец, он решил снова взяться за починку стульев. И тогда Бог указал Иосифу Флэксу, что он должен приступить к изучению Библии в библейском институте. Приняв это решение, Иосиф Флэкс собрал чемодан, сел в поезд и поехал в Чикаго. Прибыв на вокзал на улице Ла-Саль, где его раньше всегда встречали с почестями, достойными швейного магната, он с чемоданом в руках одиноко брел по опустевшей платформе, а в кармане у него было всего 25 центов. В здании вокзала он заметил носильщика, и решил расспросить его:

- Скажите, как далеко от вокзала институт Муди? Смогу ли я добраться туда за 25 центов?

- Дружище, с такими деньгами топай на своих двоих! - услышал он в ответ.

Иосиф Флэкс поднял с тротуара свой чемодан и пошел пешком по улицам Чикаго. Ему удалось в тот же день встретиться с Джеймсом Грэй, президентом института Муди. Флэкс рассказал ему о себе. Доктор Грэй с изумлением выслушал его рассказ, а потом сказал:

- Обычно мы не принимаем студентов, если они не могут оплатить стоимость общежития и столовой хотя бы за один семестр. Но для вас мы сделаем исключение, так как я не сомневаюсь, что Сам Бог привел вас сюда. Но вам все же нужно будет оплачивать свои расходы - согласны ли вы взяться за любую работу?

- Да, согласен.

- Хорошо, тогда мы прямо сейчас поищем что-нибудь для вас, - и доктор Грэй стал звонить в городской отдел по трудоустройству.

Выслушав ответ, он обратился к Иосифу Флэкс:

- Они могут предложить только работу дворника при чикагском муниципалитете. На смену придется выходить в половине третьего ночи, вам выдадут форму дворника, и будете подметать улицы.

Так начались годы его учебы в Чикаго. Он закончил институт Муди и стал евангелистом. Через его свидетельство Бог коснулся и моего сердца. После собрания проповедника окружили слушатели: всем хотелось поговорить с ним. А я, как та девочка-чешка, которая впервые пригласила его на собрание, была очень застенчивой, и хотя очень хотела с ним поговорить, никак не могла на это решиться. Несколько раз я спускалась в подвал попить воды, а потом снова проходила в зал, ожидая удобного момента, чтобы поговорить с Иосифом Флэкс. После четвертой попытки, когда почти все уже разошлись, я наконец смогла поприветствовать его и вдруг неожиданно для самой себя выпалила: "Я тоже собираюсь учиться в институте Муди!"

Господин Флэкс заинтересовался:

- Правда? А когда?

- Еще не знаю, сегодня я впервые услышала от вас об этом институте.

- Значит, раньше ты не знала о библейском институте Муди?

- Нет, но во время вашего выступления я поняла, что Бог хочет, чтобы я поехала туда учиться.

- Тогда мы с тобой еще увидимся! - воскликнул он.

- Как долго вы будете в Денвере?

- Я пробуду здесь еще две недели. Сможешь ли ты приходить на мои дневные занятия по изучению Библии?

- Для меня это удобнее, чем по вечерам - я работаю в стоматологической клинике и смогу уходить в обеденный перерыв.

В течение нескольких дней я использовала свой перерыв для библейских занятий, которые проводил Иосиф Флэкс. После занятий он каждый раз задавал мне один и тот же вопрос:

- Ты уже сказала дома о своем желании учиться?

- Нет, - отвечала я.

- Но как же ты сможешь поехать в Чикаго учиться, если твои родные ничего не знают об этом?

- Понимаете, все не так просто: моя мать - вдова, и одна растит десятерых детей. Я - одна из старших, и моя зарплата - большая помощь для нашей семьи. Я не думаю, что она согласится, чтобы я оставила работу и переехала в другой город.

- Маргарет, но если Господь призывает тебя служить Ему, ты не можешь не откликнуться!

- Я понимаю, но из-за семейных обстоятельств в данный момент просто не могу - ответила я.

На последнем занятии он снова спросил:

- Ты уже поговорила с мамой?

- Нет.

- Тогда в понедельник вечером я приду к вам домой и сам побеседую с твоей мамой об институте Муди. Я зайду за тобой после работы, и мы вместе поедem к вам.

Он считал, что с моей стороны все уже решено, а меня охватил ужас: как я поторопилась, сказав ему о своем намерении учиться! Еще меня смущало, что жили мы очень бедно и на ужин мама обычно варила картошку и давала нам по стакану молока. А когда не было картошки, мы съедали только по ломтю хлеба из кукурузной муки. Я была в замешательстве: как воспримет гость такой скромный ужин? Но мне неудобно было сказать господину Флэкс, чтобы он не приходил к нам.

3. Почему бы не Маргарет?

В день перед его посещением мной владела одна мысль: как отказаться от этой затеи? До самого вечера я не хотела говорить матери о планах на завтра, но в конце концов дальше откладывать было нельзя.

- Мама, завтра вечером господин Флэкс хочет прийти к нам в гости.

- Очень хорошо, я приготовлю особый ужин.

Я была приятно удивлена ответом матери. И, конечно же, она сдержала свое слово: когда в понедельник вечером Иосиф Флэкс вошел в наш дом, двери в прихожую и сверкающую чистотой гостиную были открыты настежь, а мама ожидала у входа, чтобы взять у гостя его пальто и шляпу. Я почувствовала, что ожидаемая мной катастрофа превращается в триумф. Но что будет позже, когда господин Флэкс заведет разговор о моем поступлении в библейский институт Муди? Мне не пришлось долго об этом гадать. Сразу же после того, как мать убрала в шкаф пальто гостя, он обратился к ней:

- Госпожа Николь, как бы вы отреагировали, если бы узнали, что одну из ваших дочерей Бог предназначил для служения Ему?

Итак, моя тайна была раскрыта! Затаив дыхание, я ждала ответа матери.

- Я сказала бы. слава Богу! - спокойно ответила она.

Действительно, этот вечер был полон сюрпризов! Иосиф Флэкс продолжал задавать вопросы:

- А что, если эта дочь - Маргарет?

Ответ матери еще больше удивил меня.

- А почему бы и не Маргарет?

После этого она объявила: "Ужин готов! Все к столу!" Мы сели за стол, и разговор перешел на общие темы: всем интересно было ближе познакомиться с гостем. Ужин прошел замечательно! После ужина мама попросила мою старшую сестру убрать со стола и занять младших детей, чтоб никто не мог помешать нашему разговору, а мы перешли в гостиную.

В тот вечер сюрпризам не было конца. Прикрыв дверь, мама сказала: "Господин Флэкс, сегодня один из самых счастливых дней в моей жизни!" И она рассказала, что в молодости, еще в Финляндии, она услышала Божий призыв на миссионерское служение и поехала в Соединенные Штаты, чтобы пройти необходимую подготовку. Она поселилась в Денвере, потому что там жила ее тетя. Но вскоре мама познакомилась с моим отцом и вышла замуж. Позже когда она завела с мужем разговор о миссионерском служении, он не поддержал ее.

Сожалая, что так сложилась жизнь, мама постоянно просила Бога послать на миссионерское служение кого-то из ее детей. До сегодняшнего вечера мама ждала ответа на свою молитву и поэтому так горячо поддержала мое намерение. Итак, Бог Сам приготовил путь и мне совсем не о чем было переживать. Все последующие события я рассматривала в свете этого урока.

Написав заявление об увольнении, я подготовила себе замену, и мое место у рентгеновского аппарата заняла другая девушка. После этого я переехала в Чикаго в сентябре 1917 года и приступила к занятиям в библейском институте Муди. Там я узнала, что Иосиф Флэкс опередил меня - он оплатил первый семестр моей учебы. Годы жизни в Чикаго были благословенным временем, проведенным в среде замечательных служителей Божьих - наших профессоров, преподававших нам Библию.

С учебой в институте Муди было связано еще два события, которые окончательно определили направление моей жизни. В одном из вечерних богослужений принимала участие госпожа Риби - миссионерка, недавно возвратившаяся из Африки. Я не запомнила всего, о чем она говорила в тот вечер, но в памяти остались прочитанные ею слова из 8-й главы Евангелия от Марка, где рассказывается о слепом, которого привели к Иисусу. Господь коснулся его глаз и спросил, видит ли он. Слепой ответил: "Вижу проходящих людей, как деревья". Тогда Господь снова прикоснулся к его глазам, и он стал видеть более отчетливо.

"Я уверена, что все вы, студенты, познали Господа Иисуса Христа как своего Спасителя - иначе вы не учились бы в библейском институте, - сказала в заключение госпожа Риби. - Но мне кажется, что многие из вас подобны тому слепому которого привели к Иисусу: проходящие мимо люди воспринимаются вами абстрактно, как возвышающиеся вдаль деревья. Я рассказала вам сегодня о нуждах Африки и прошу Бога, чтобы Он коснулся ваших духовных глаз и помог увидеть в африканцах души, за которых умер Христос". После этих слов она призвала к молитве, и Бог коснулся моего сердца: в тот вечер я приняла решение служить Ему в Африке.

Еще очень памятным для меня было выступление доктора Грэй на нашем выпускном вечере. Начал он так: "Недавно обнаружили, что в нашей стране пушено в оборот большое количество фальшивых денег. Это открытие вызвало тревогу у правительства, и понадобилось вмешательство Федерального бюро расследований. Для подготовки к опознанию фальшивых денег ФБР были организованы специальные курсы для своих агентов".

Доктор Грэй изучающе посмотрел на студентов и задал всем вопрос: "Как вы думаете, сколько фальшивых купюр было передано в распоряжение агентов ФБР, чтобы они научились распознавать подделку?"

Были высказаны самые разные предположения: сто, тысяча, миллион. Доктор Грэй выслушал все ответы, а потом сказал: "Интересно, что агентам вообще не показали фальшивых денег! Единственное, что они должны были отлично знать - это как выглядят настоящие деньги. Хорошо запомните этот урок, когда приступите к служению: вечно живой Бог открыл вам Свою истину и хочет, чтобы вы распространили ее по всей земле. Вам придется жить среди народов, обычаи которых могут показаться вам странными: многие из этих людей поклоняются дьяволу. Я знаю, что некоторым из вас захочется изучить все эти странные явления, но это ошибочный путь. Не забывайте: вам открыта истина! И все, что от вас требуется - это провозглашать Евангелие Иисуса Христа. Один Бог знает, как поступить с фальшью и подделкой - только Он в точности знает, что необходимо предпринять".

Я никогда не забывала его слов, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет. В день выпуска я еще не понимала, насколько ценно это наставление. Позже мне не раз приходилось встречаться с миссионерами, посвятившими много времени изучению лжерелигий и спиритизма. Мне даже известны случаи, когда миссионеров привозили домой в смиренных рубашках, потому что они настойчиво посещали собрания сатанистов, чтобы заснять или сделать звукозапись, а потом использовать в качестве наглядного пособия. Проведя несколько десятилетий на миссионерском поле, я хорошо поняла, как силен наш враг дьявол, и чтобы противостоять ему, важно не контактировать с ним, изучая его тактику, а держаться истины и неуклонно следовать за Спасителем.

7 августа 1919 года я закончила библейский институт и возвратилась в Денвер. Чтобы иметь квалификацию миссионерки-медработника, я поступила на курсы медсестер. Одновременно я разослала заявления в разные миссии, которые вели работу в Африке. Трудно было принять определенное решение: у меня было большое желание работать с миссией Baptist Mid-Missions, хотя миссионеры этой миссии сами должны были собрать необходимую финансовую поддержку, руководствуясь принципом жизни по вере. И когда другая миссия пообещала мне и зарплату, и покрытие расходов, связанных с переездом в Африку, я заколебалась.

В тот период я прочитала биографию Хадсона Тейлора, и это помогло мне принять правильное решение. Хадсон Тейлор был очень молод, когда решил посвятить себя миссионерскому служению в Китае. Закончив колледж, он взялся за изучение китайского языка. Потом он решил проверить, сможет ли жить в условиях, в которых живут китайцы. Оставив родной дом с привычными удобствами, он поселился в чердачном помещении в одном из самых бедных районов Лондона.

Однажды поздно вечером к нему прибежал мальчик, который слышал проповедь Хадсона на вечернем богослужении. Он умолял о помощи: "Моя мать умирает - пойдите скорей!" Хадсон пошел за мальчиком. По шаткой лестнице они поднялись в квартиру: на голом матрасе без простыней и одеяла лежала больная женщина. В комнате был единственный стул.

"Помолитесь о моей жене", - попросил отец мальчика. Хадсон согласился и даже начал уже молиться, но остановился: в душе у него шла мучительная борьба. Вызвана она была тем, что в кармане он нащупал крупную монету. Сразу пронеслась мысль: "Если бы у меня были мелкие деньги, я мог бы хоть немного помочь этой семье! Но не могу же я отдать им целый соверен - это мои последние деньги, а завтра мне нужно уплатить за жилье, да к тому же и чая с хлебом осталось только на один ужин. Невозможно отдать все деньги - но не стану же я просить у них сдачу!"

Хадсон Тейлор настолько погрузился в свои мысли, что даже не заметил, что хозяин пытается заговорить с ним. Наконец, Хадсон услышал:

- Молодой человек! Надеюсь, вы понимаете, что я просил вас прийти, потому что моя жена умирает! Я хочу, чтобы вы помолитесь о ней - она не знает Бога.

- Да, да, я понимаю! - поспешно сказал Хадсон.

Он склонил голову и снова попытался молиться, но безрезультатно: конфликт в его душе препятствовал молитве. "Как я могу молиться о них, зная, что они голодные, а у меня в кармане лежит целый соверен?"

Наконец, Хадсон вынул из кармана монету и отдал ее отцу семейства, попросив купить пищу и одеяло для жены. Сразу же сердце Хадсона смягчилось, в глазах показались слезы, и он начал молиться о нуждах больной женщины. В тот вечер вся семья бедняка нашла спасение у ног Христа, а впоследствии Бог исцелил его больную жену

Поздно ночью Хадсон Тейлор возвратился домой счастливый от того, что Бог использовал его в практическом служении людям. Он совсем позабыл, что завтра ему нечего будет есть и нечем уплатить за квартиру. Утром, когда он читал Библию, раздался стук в дверь - намного раньше обычного часа у порога стоял почтальон. Он передал Хадсону письмо, в которое был вложен чек на сумму в пять раз большую, чем отданный вчера содерен. Теперь он мог уплатить за квартиру и купить необходимую еду. Так Бог преподавал Хадсону важный урок: помогающий бедному дает взаймы Богу! И Хадсон Тейлор понял: куда бы ни повел его Господь - в Китай или любую другую страну - на Бога всегда можно положиться! Вскоре он уехал в Китай, основал там миссионерскую работу и на протяжении всей его жизни Господь множество раз подтверждал верность этого принципа.

Пример Хадсона Тейлора помог мне принять решение ехать в Африку под началом миссии Baptist Mid-Missions. Конечно же, не обошлось без трудностей: я хотела уехать в Африку сразу же после окончания курсов медсестер, но не имела представления, откуда поступит финансовая поддержка. Баптистская церковь в Денвере, где я была членом, состояла всего из сорока членов, так что я никак не могла рассчитывать на их финансовую поддержку - пожертвований едва хватало на местные нужды.

Одна семья из нашей церкви постоянно интересовалась моими планами на будущее. Супруги Хувер находили время несколько раз в месяц встречаться со мной, чтобы вместе молиться о моих финансовых нуждах. Они были уверены, что Господь посылает меня в Африку. Случилось так, что неожиданно умерла мать госпожи Хувер. Когда после похорон прочитали завещание умершей, госпожа Хувер сказала своим родственникам: "В Денвере есть девушка, которая хочет стать миссионеркой в Африке. Если каждый из вас согласится отдать ей десятую часть своего наследства, я готова отдать все, что причитается мне, чтобы Маргарет Николь могла поехать в Африку".

И хотя родственники госпожи Хувер не знали меня лично, они согласились с ее предложением, и госпожа Хувер возвратилась с похорон матери с полной финансовой поддержкой для моего миссионерского служения. Итак, теперь я могла отправиться в Африку!

4. Со мной разговаривала бумага!

Поселившись в Бангасу, отдаленном селении за рекой Убанги в юго-восточной части страны, я взялась за создание французской школы. Хотя по образованию я была медсестрой, почти 4 года мне пришлось работать школьной учительницей. В то время французский язык был официальным языком в стране (Центрально-африканская Республика была колонией Франции) и преподавание в школах также велось на французском. Открыв школу, я решила, что буду вести уроки и на французском, и на языке санго, уделяя большее внимание языку санго, так как считала, что для местных жителей важно уметь читать на родном языке.

Процесс обучения оказался очень длительным, и я была до такой степени разочарована, что хотела вообще отказаться от преподавательской работы. Но со временем стали появляться первые признаки успеха: некоторые африканцы начали понимать алфавит, и это ободрило и обрадовало меня. Однажды я перепечатала на машинке стихи из Библии, чтобы раздать ученикам - я подбирала простые слова и предложения, которые состояли из уже знакомых им букв. В конце урока я попросила Джимберли, одного из моих лучших учеников, подойти ко мне во время перерыва. Когда он подошел, я протянула ему лист бумаги и спросила:

- Что ты видишь на этом листе?

Буквы показались ему странными - они были напечатаны на машинке. Он вертел лист в руках, поворачивая его в разные стороны, а потом, крайне раздосадованный, спросил:

- Что я должен с этим делать?

Я обратила его внимание на буквы:

- Посмотри, это те же буквы, какие я пишу на доске. Если ты будешь внимательным, ты сможешь их произнести.

Напрягаясь, с большим трудом мальчик стал читать вслух: "Т-ах-т-е-ух-та..." Это был бессмысленный набор звуков - хотя он правильно произносил буквы, они не складывались в слова.

- Пожалуйста, повтори еще раз, - попросила я. Джимберли повторил, но опять произнесенные им звуки не имели никакого смысла. На его листе был напечатан стих из Евангелия Иоанна 3:16.

- Еще раз! - попросила я.

Я знала, что у него в конце концов получится. Только после шестой попытки мальчик вдруг вскинул вверх руки, так что лист полетел в сторону, повернулся ко мне и восторженно крикнул:

- Бумага разговаривала со мной!

- Да, - согласилась я, - но не только бумага: Бог тоже разговаривал с тобой! Он сказал, что любит тебя! Я никогда не забуду выражения лица мальчика. Он подошел совсем близко, посмотрел на меня и спросил: "А разве Бог может говорить на моем языке?" Это казалось ему неправдоподобным. Но я уверила Джимберли, что Бог может говорить на любом языке, потому что нет языка, которого Бог не знает, и Он одинаково любит всех людей.

Услышав это, мальчик снова закричал от восторга. Вскоре вокруг нас собралась толпа африканцев. Джимберли поднял с земли лист и крикнул: "Послушайте, как бумага разговаривает!" И он прочитал вслух Иоанна 3:16 на своем родном языке. Собравшиеся онемели от удивления. Нас окружило еще больше людей, каждый хотел что-то спросить. На следующее утро на занятия пришло около ста новых учеников - все они хотели, чтоб и с ними разговаривала бумага.

По закону в моем классе не могло быть более 110 человек, хотя желающих учиться было намного больше. Но обучать 110 тоже оказалось непросто: школьного помещения у нас не было, и я проводила занятия на большой поляне. Я поделилась своими трудностями с одной миссионеркой, но она ответила:

- Не понимаю, в чем проблема? Зачем тебе классная комната - ты можешь вести урок в тени манговых деревьев!

- Но эти дети никогда не ходили в школу! - возразила я. - Как же я смогу привить им дисциплину в тени манговых деревьев, если в классе 110 учеников? А еще в правилах сказано, что раз в году школу будет проверять губернатор области, а местный инспектор может явиться с проверкой в любой день. (Тогда я еще не знала, что принятое мной решение обучать детей на их родном языке будет иметь для меня далеко идущие последствия и поможет разрешить проблему со школьным зданием.)

Вскоре меня попросили сопровождать группу африканцев, отправлявшихся на побережье встретить семью администратора, прибывающего из Франции. Для этой цели арендовали большую лодку, и в сопровождении десяти гребцов мы отправились в путь. Путешествие длилось шесть недель. Представьте, каким было наше разочарование, когда французская семья наотрез отказалась ехать в лодке! И хотя в тот момент вся поездка казалась сплошной неудачей, за это время я хорошо продвинулась в освоении языка санго.

Среди сопровождавших меня африканцев был очень талантливый молодой человек, бывший на службе у главного управляющего. Он хорошо знал французский и в совершенстве владел языком санго. В течение всего путешествия с раннего утра до вечера я читала ему по-французски, а он повторял для меня все прочитанное на языке санго. К концу поездки мой словарный запас превышал 400 слов, и этого было достаточно, чтобы свободно объясняться на языке санго. На остановках я пыталась использовать новые слова из моего постоянно растущего словарного запаса. Когда мы возвратились в Бангасу, я уже намного увереннее говорила на языке санго.

Когда мы добрались домой с побережья, там меня ожидал сюрприз: из Америки приехали гости Даугалд Кембелл и Гай Лэйрд. Доктор Кембелл был известным проповедником из Англии, а Гай Лэйрд - миссионером и талантливым инженером из Денвера. Радости моей не было предела: Гай был из моего родного Денвера! А так как я уже свободно говорила на языке санго, мне пришлось везде сопровождать их как переводчице.

После одного из богослужений я рассказала гостям, что у нас нет школьного помещения. И тогда Гай сказал: "Если мне придется приступить здесь к служению, я должен буду выучить местный язык. Маргарет, что, если я на время останусь здесь и построю школу, а вы научите меня говорить на языке санго? Договорились?" Я согласилась, и Гай выстроил замечательное кирпичное здание, в котором разместилась школа. Я тоже сдержала слово: по несколько часов в день я обучала Гаю языку санго. Когда он уже неплохо изъяснялся на санго, Гай предложил: "Маргарет, как ты смотришь, если мы продолжим наши занятия, и ты поможешь мне с французским?"

Хотя в университете в Америке он изучал техническую терминологию на французском, перед приездом в Африку он не прошел курса французского в Париже, как это сделала я, и его французский был очень слабым. Я согласилась помочь ему. К тому времени мы с Гаем стали близкими друзьями, и он предложил мне выйти за него замуж. Но меня сдерживало то, что Гай был вдовцом (его жена приехала с ним в Африку, но умерла вскоре после прибытия на этот континент).

Гай дважды предлагал мне выйти за него замуж, и оба раза я отказывала ему. Я очень привязалась к его сыну Лоренсу и согласилась присматривать за мальчиком, но не решалась выйти замуж за Гаю. Как-то вечером Гай сказал мне: "Маргарет, так как ты не согласна выйти за меня замуж, я решил переехать в Раффаи". И он исчез из моей жизни так же внезапно, как появился.

Только после их отъезда я поняла, как дороги мне стали Гай и Лоренс, как сильно я их полюбила. Я была сама не своя: у меня все валилось из рук. Прошло два месяца, и понемногу я начала приходить в себя. Но тут снова в моей жизни появился Гай: его принесли на носилках. У него была гемоглобинурийная лихорадка. Эта болезнь в первую очередь поражает почки и состояние больного с каждым днем резко ухудшается. Жизнь его была в опасности, и я начала лечить Гаю.

По милости Божией, опасность миновала, и Гай стал поправляться. Он снова предложил мне выйти за него замуж. На этот раз я с радостью согласилась. Я написала маме о своем намерении выйти замуж. В ответном письме она умоляла меня не торопиться с таким серьезным решением.

"Маргарет, - писала она, - меня беспокоит, что хотя в своих письмах ты часто упоминаешь Лоренса, ты почти ничего не пишешь о Гае. Надеюсь, что ты выходишь замуж не только из-за привязанности к его ребенку. Не торопись, пока не убедишься, что это правильный шаг." Вскоре после того, как мама отправила мне письмо, она пошла на прием к врачу. Это был денверский врач, давший мне рекомендацию, когда я шла учиться. Он стал расспрашивать маму о том, как у меня дела.

- Маргарет собирается замуж, - рассказала ему мама.

- Неужели она выходит замуж за африканца?

- Нет, представьте себе, ее жених из Денвера! Его зовут Гай Лэйрд.

- Гай Лэйрд! - воскликнул врач. - Госпожа Николь, даже если бы ваша дочь дважды объехала вокруг света, вряд ли ей удалось бы найти лучшего мужа! Я никого так не уважаю, как Гаю!

И он рассказал, что когда Гай работал инженером в Инглвуде, пригороде Денвера, доктор Саймон был мэром этого городка, и они с Гаем были близкими друзьями. Слова доктора успокоили маму, и она дала благословение на наш брак. Свадьба состоялась через год и два месяца после того, как я впервые приехала в Африку.

5. Бог все может!

Хотя в первые годы пребывания в Африке в моей жизни постоянно происходило что-то новое, вступление в брак и рождение первого ребенка не шло ни в какое сравнение со всем остальным! Мы назвали нашу первую дочурку Элеонорой. Но она прожила всего четыре месяца, и мы похоронили ее в Бангасу на том же холме, где похоронен основатель нашей миссии доктор Гаас. Я очень тяжело перенесла смерть нашей малютки. Хотя я знала, что в Африке у многих миссионеров умирали дети, но когда это случается с твоим ребенком, утрата кажется невосполнимой.

Господь укрепил нас и помог нам с Гаем с надеждой смотреть в будущее. Два года спустя мы приехали в отпуск в Колорадо, и в 1927 году в Инглвуде родилась наша вторая дочь Арлин. Мы провели памятный год в кругу родных и друзей в США, но все же нам не терпелось возвратиться в Африку. Через несколько месяцев я снова ожидала ребенка, и в связи с моей беременностью нам советовали отложить отъезд. Но в Африке нас ждало служение, и мы решили не откладывать отъезда.

Мы благополучно добрались до Леопольдвилля (Киншаса), но там выяснилось, что пароход, на котором мы намеревались подняться вверх по реке, уже отплыл, а следующий отправляется только через месяц.

Гай очень расстроился, но я успокаивала его:

- Не переживай, завтра утром попытаемся еще раз.

- Какой смысл пытаться, если мне ясно сказали, что следующий пароход будет только через месяц? Подумают еще, что я ненормальный, - возразил Гай.

Но я продолжала настаивать:

- Сходи еще раз на пристань: может, есть какой-то другой рейс? Если у тебя что-то получится, я с детьми буду моментально готова.

Гай пошел в порт. Как он и предвидел, чиновники рассердились, что он надоедает им. Возвращаясь с пристани, Гай заметил, что кто-то бежит следом за ним.

- Белый человек просит, чтобы ты вернулся, - сказал догнавший Гая африканец из корабельной конторы.

- Никогда не видел ничего подобного! - сказал ему чиновник, как только он вошел в контору. - Мы получили радиogramму, что пароход, отчаливший вчера, возвращается назад. Не знаю, в чем дело, но если ваша жена и дети вовремя будут на пристани, то можете плыть на этом судне.

Когда Гай, запыхавшись, вбежал в комнату с вопросом: "Ты готова?", мы с детьми и с вещами поспешили на пристань и через час уже плыли по реке Конго. Так Бог снова показал нам, что для Него нет ничего невозможного!

По возвращению в Сибут мы сразу же разыскали медсестру, которой я написала еще из Америки, и она обещала помочь мне во время родов. Я очень рассчитывала на ее помощь, но через несколько дней после приезда она сказала мне:

- Я уезжаю в Кремпель - там меня ждет другая миссионерка.

- Но ведь мы заранее договорились, и я надеялась на вашу помощь, - возразила я.

- У вас все будет в порядке, это не первые роды, справитесь и без меня!

Она пошла собираться, чтобы к вечеру уехать. Я была очень огорчена, но отнеслась к этому как к чему-то неизбежному. Я надеялась, что Гай не узнает об отъезде медсестры. Но когда он пришел на обед, то с порога объявил:

- Похоже, кто-то собирается в дорогу - я видел, как загружают повозку.

Мне пришлось рассказать, что случилось.

- Она не уедет! - воскликнул муж. - Я приму все меры!

Выскочив из дому, он побежал в гору. Я поспешила за ним.

- Гай, не нужно! Все будет хорошо! - кричала я ему вслед, тяжело дыша и еле-еле поспевая за ним.

- Но ведь она согласилась тебе помочь! Мы на нее рассчитывали! Как же она может уехать? - крикнул он на ходу.

- Гай, остановись! Наконец, он остановился.

- Гай, я не хочу ее помощи насильно. Значит, Бог предусмотрел для меня что-то лучшее

- Лучшее? В сердце Африки? Где ты сможешь найти другую акушерку?

- Я не знаю, но Бог знает, - успокаивала я его.

Наконец, Гай улыбнулся, обнял меня за плечи, между нами был полный мир - мы согласились уповать на Бога. Вечером муж сообщил, что на следующий день в шесть утра он должен быть у телефона - с ним пытаются связаться из Бамбари. В те годы у миссионеров не было личных телефонов, но с шести до семи утра мы могли пользоваться государственной телефонной линией (в течение дня ею пользовались государственные чиновники).

Утром Гай был у телефона, но выяснилось, что произошла ошибка: звонили не нам, а другим миссионерам, а оператор по ошибке вызвал к телефону Гая. Звонила госпожа Бернц, акушерка из Швейцарии, с которой я подружилась еще в Бангасу. Извинившись перед Гаем, что его напрасно потревожили, она из вежливости спросила:

- Как себя чувствует Маргарет?

- Хорошо, - сказал Гай, - и была бы очень рада видеть вас, потому что скоро должна родить.

- Я уезжаю... - успела только сказала госпожа Бернц, и связь прервалась.

Гай пытался перезвонить в Бамбари, но безуспешно. Он возвратился домой совсем разбитым.

- Вначале я подумал, что проблема разрешена, но потом связь оборвалась, и как я ни пытался дозвониться до нее, мне не удалось.

- Слава Богу, на самом деле проблема разрешена: теперь она знает о нашей нужде, а для Бога нет ничего невозможного, - сказала я.

- Ты надеешься, что она приедет?

- Непременно!

- А на каком основании ты на это рассчитываешь?

- Вот увидишь - сегодня же она будет здесь!

Под вечер госпожа Бернц действительно подъехала к нашему дому. В Бамбари она принимала роды у жены португальского плантатора. После разговора с Гаем она рассказала ему и его жене о моем положении. "Если та женщина так же обрадуется вашему приезду, как обрадовались мы, - сказал плантатор, - вы должны ехать! Мой шофер отвезет вас в Сибут".

Госпожа Бернц приехала вовремя: на следующий день рано утром ей пришлось принимать у меня роды. Так я в очередной раз убедилась, что для Бога нет ничего невозможного!

6. Среди людоедов

От французской администрации поступила просьба, чтобы мы начали работу в племени бандас в районе Иппи.

- Иппи? - с удивлением переспросила я, когда Гай сообщил мне эту новость. - Я никогда не слышала об этих краях.

- Маргарет, в Иппи живут каннибалы!

Затем Гай подробнее рассказал мне о намерениях французов: селение Иппи находится в центре территории, где живет племя бандас, и французы решили, что над ними необходимо установить государственный контроль (хотя главной причиной этого решения было то, что в округе нашли алмазы и золото). Управляющий этой областью предполагал, что если наша семья поселится среди бандас, проявляя заботу о них, то очень скоро бандас привыкнут к белым людям и будут доверять им. А после того, как установится прочный контакт с племенем, французы откроют в Иппи административный центр.

Нам с Гаем казалось, что перед нами открывается замечательная возможность принести Евангельскую весть племени бандас. Но нас тревожило то, что это было племя людоедов, а у нас - трое маленьких детей. Я решила встретиться с французским чиновником Феликсом Ибою и прямо спросить его о степени угрожающей нам опасности. Господин Ибою был уроженцем острова Мартиника, одного из островов Вест-Индии, который называли "заморским департаментом Франции". Впоследствии он стал первым чернокожим генерал-губернатором всех свободных французских территорий на африканском континенте.)

Когда мы в первый раз встретились с ним, он не скрывал своей неприязни к американцам (он много читал о рабстве в раннем периоде истории Америки). Но когда мы ближе познакомились, то стали дружить семьями. Как-то заболела госпожа Ибою, ближайший французский врач находился на расстоянии двухсот километров, и господин Ибою обратился

ко мне за помощью. С тех пор я провела в их доме не одну бессонную ночь: они всегда присылали за мной, когда болели дети. Когда родилась наша дочь Марианна, господин Ибою заверил ее свидетельство о рождении. За годы знакомства мы пронились к нему большим уважением, и теперь мне важно было услышать лично от него, насколько опасен для нашей семьи переезд в Иппи.

- Я слышала, что сравнительно недавно бандас убили и съели французского чиновника. Известно ли вам об этом? - расспрашивала я его.

- К сожалению, это так, госпожа Лэйрд.

- То же самое случилось и с португальским плантатором, приехавшим, чтобы заложить там кофейную плантацию.

- Да, и это правда. Более того, совсем недавно канибалы съели еще одного белого человека, появившегося на их территории.

- Как же вы можете рекомендовать, чтобы мы поехали туда? Вы же знаете, что у нас трое маленьких детей!

- Госпожа Лэйрд, я рекомендовал вас потому, что уверен - вас они не съедят.

После напряженной паузы он продолжал:

- Если вам удастся дать этим африканцам нужное направление, они могут стать полезными для общества. Попробуйте, а мы будем постоянно наблюдать, как у вас идут дела.

Мы с Гаем много молились об этом. Когда мы наконец приняли решение переехать в Иппи, он обратился к французским властям за разрешением на поселение. В те времена нас не признавали за миссионеров и обращались с нами, как с поселенцами: мы получили шестьдесят два акра земли и в течение пяти лет должны были доказать, что в состоянии извлечь выгоду из участка, переданного в наше пользование. Французская администрация регулировала, какую площадь можно занять под кофе, какую под цитрусовые, сколько можно иметь кирпичных построек. После пяти лет успешного ведения хозяйства земля переходила в собственность поселенцев, и они могли использовать ее по своему усмотрению.

Гай выбрал участок, оценивая его с позиций инженера, хотя многие считали, что это не самый удачный выбор. Наша земля находилась в долине и была со всех сторон окружена горами. Климат очень напоминал мне Денвер: даже в самые жаркие дни с гор дул прохладный ветер, а ночью температура падала, и мы могли отдыхать, не изнывая от жары. Гай не обращал внимания на критические отзывы о нашем участке. Мне он объяснил: "Я знаю, что Господь указал мне этот участок - на нем есть пять родников. Невозможно растить семью или открыть клинику, если у нас не будет достаточно воды".

Оглядываясь назад, я поражаюсь тому, с какой мудростью Господь руководил решениями моего мужа. Мы даже не подозревали, что в будущем на нашей миссионерской станции будет 7 жилых домов, больница на 75 коек и амбулатория, и нам понадобится очень много воды. В течение десятилетий, которые мы прожили там, ни один из родников не пересох. К нам приезжали за водой чиновники с государственных участков, у нас брали воду служащие с хлопкопрядильной фабрики, и воды всегда было вдоволь.

Сначала Гай поехал туда один, вырубил деревья и расчистил площадку, на которой можно было разместить двухкомнатное глинобитное помещение. С помощью наемных рабочих он выстроил дом с утолщенными стенами и соломенным покрытием. Начался сезон дождей, и Гай сказал, прощаясь с рабочими: "Когда дожди пройдут, и мы закончим строительные работы, я привезу сюда свою семью". Эти люди никогда еще не видели белой женщины или белых детей. "Мы поверим этому когда увидим твою семью", - сказали ему рабочие.

Когда муж возвратился, я засыпала его вопросами:

- Как они отнеслись к тебе? Где будет стоять наш дом? Как они реагировали на евангельское свидетельство?

- Они почти не обратили внимания на мой приезд, потому что вождь той области серьезно болен. Все думают, что он умрет. Народ сошелся в деревню вождя, и все ожидают большого похоронного праздника. Им было не до меня.

Вскоре наша семья переехала в Иппи. Мы прибыли туда на закате. После нескольких лет в Африке я все еще не могла привыкнуть к тому, как быстро здесь темнеет: раскаленное яркое солнце вдруг проваливалось за горизонт, и мгновенно наступала ночь.

В ту первую ночь в Иппи наш дом показался мне очень неудобным. Вместо окон и дверей в нем зияли темные отверстия, из которых видны были белки множества глаз, следивших за каждым нашим движением. Раздавалось побрякивание белых слоновых бивней, и все это вызывало у меня жуткое чувство, потому что я ни на минуту не могла забыть, что это племя людоедов. Мы попытались убедить непрощенных гостей разойтись.

- Уже поздно, наши дети проголодались за дорогу, я хочу накормить их и уложить спать, - обратилась я к ним.

- Корми их, а мы посмотрим, как они будут есть.

- Нам тоже пора ложиться отдыхать.

- Ложитесь, а мы посмотрим - нам очень интересно.

Они наотрез отказались разойтись по домам. Казалось, мы никогда не избавимся от непрощенных гостей, которые то и дело просили: "Покажи нам ребенка, мы хотим его получше рассмотреть!" В тот момент я совсем не была расположена вынести к ним в темноте ребенка, и предложила:

- Если вы разойдетесь по домам и дадите нам отдохнуть, то завтра в 10 часов утра я искупаю ребенка перед домом. Все могут прийти посмотреть.

Наконец они согласились. Было уже около одиннадцати часов вечера, когда мы заснули. На следующее утро, выполняя обещание, я искупала Марианну на веранде. Собравшиеся зрители были в восторге. После этого я решила навестить умиравшего вождя Етаман. Я приготовила сумку с медикаментами. Марианну я оставила дома с Гаем, а Арлин взяла с собой.

Для поездки к вождю Гай приготовил для меня коляску наподобие рикши, которую в Африке называли "пуш-пуш". К ней прилаживали колесо от мотоцикла, сверху устанавливали сиденье, а впереди и сзади приделывали жерди с ручками. Став впереди, один из африканцев тащил коляску, а второй сзади подталкивал ее. Хотя коляска была очень удобной для путешествия по африканским тропам, мне не нравилось ездить на "пуш-пуш". Когда я усаживалась на высокое сиденье, я чувствовала себя слишком большой и неуклюжей по сравнению с низкорослыми африканцами. Но так как Гай настаивал, я взобралась в коляску. От этого зрелища у одного из африканцев перехватило дух и он изумленно воскликнул: "Ко-о-та кота мама!" Слово "кота" значит "большая", а когда африканцы употребляют слова "ко-о-та кота", они имеют в виду что-то чрезвычайно огромное. "Видимо, это и подразумевал господин Ибою, когда сказал, что меня-то африканцы не съедят", - подумала я.

Держа на руках старшую дочь, "Ко-о-та кота мама" поехала к дому вождя. Когда мы добрались туда, я подошла к дому, зная, что не должна стучать в дверь: по традиции мне следовало немного покашлять, или издать звук, как будто я прочищаю горло. Я повторила этот звук так много раз, что у меня заболело горло. Потом я начала звать хозяев, но никто не вышел. Наконец, я решилась войти и обнаружила, что дом пуст: в нем не было никаких признаков жизни.

Выйдя на крыльцо с противоположной стороны, я увидела много других домов: в них жили 75 жен вождя. У каждой из них был свой дом, но ни одна не захотела принять больного вождя к себе, потому что он был при смерти. Обычаи этого племени отличались от обычаев в Бангасу, где вместе с султаном заживо хоронили всех его жен. Жены вождя из племени бандас тоже боялись смерти, но по другой причине: согласно их верованиям, дух умершего поселялся в том доме, где человек умер. Поэтому дом, в котором лежал покойник, после его смерти сжигали. Неудивительно, что ни одна из жен не захотела, чтоб вождь умер в ее доме.

Вождя поместили в небольшое помещение в конце деревни, которое назвали "домом смерти": его выстроили специально для того, чтобы вождю было где умереть. Он лежал на низкой бамбуковой кровати, с обеих сторон сидело несколько его жен и зелеными листьями вытирали гной из раны на груди вождя. Грязные листья они бросали в угол. Приветствуя вождя, я опустила Арлин на пол и совсем позабыла о ней. Когда, наконец, я вспомнила о дочери, то увидела, что она сидит в углу и внимательно изучает листья, которыми вытирали рану больного. Взяв Арлин на руки, я вытерла ей пальцы. Вождь внимательно наблюдал за мной.

- Белая женщина, зачем ты принесла ребенка в дом смерти? Этот ребенок никогда не вырастет! - сказал он.

- Я этого не боюсь. Я хочу знать, что случилось с тобой, вождь, Я буду лечить тебя.

- Белая мама, - сказал мне вождь, - иди домой и позаботься лучше о своем ребенке. Я умираю. Меня смотрели четыре французских врача и сказали, что мне не жить. Зачем зря тратить на меня лекарство? Сохрани его для тех, кому оно поможет. Иди домой и занимайся своей семьей.

Но я решила проявить настойчивость. Вначале я подумала, что это туберкулез, хотя мне никогда не приходилось встречать туберкулезного больного с гнойной раной на груди. Я спросила, откуда у него эта рана. "Я получил ее на пожаре", - ответил вождь. Услышав это, я обрадовалась: значит это была обычная инфекция. Когда я училась и проходила практику в аптеке, мне много раз приходилось готовить раствор, который прекрасно помогал при заражениях. Уезжая в Африку, я захватила с собой порошок, из которого готовился этот раствор. Возвратившись домой, я взяла порошок, простерилизовала инструменты и снова поехала к больному. Тщательно промыв ему рану, я сказала на прощание: "Завтра я снова приеду, и мы будем промывать рану до тех пор, пока ты не выздоровеешь".

Каждое утро я ехала к вождю и промывала ему рану. Возвратившись, я занималась домашними делами, а вечером снова ехала туда на ненавистной мне "пуш-пуш". Это стало моей ежедневной обязанностью. Я неохотно пользовалась "пуш-пуш", но муж настаивал, чтобы я не ездила на велосипеде, потому что незадолго до этого я родила ребенка. Как-то, когда меня некому было отвезти на "пуш-пуш", я села на велосипед и за 15 минут доехала до дома вождя (обычно я добиралась туда 45 минут). С того дня велосипед снова стал моим основным транспортом, и Гай больше не возражал.

В течение двух месяцев я совершала паломничество в "дом смерти", продолжая лечить вождя Етамана. Наконец, Бог послал ему выздоровление и постепенно восстановил его силы. В дни болезни он был таким слабым, что показался мне стариком, но теперь он снова выглядел здоровым молодым мужчиной и скоро уже занимался повседневными делами, как и до болезни.

Однажды он появился у дверей нашего дома. После того, как я поприветствовала вождя, он стал передо мной на колени. В руках он держал целую стопку денег - это была не одна тысяча франков.

- Я пришел уплатить великой белой маме, - торжественно заявил вождь.

- Нет, нет! Нам не нужна плата, - пыталась отказаться я. - Мы ваши друзья и приехали сюда, чтобы жить в твоём племени, научить вас многим полезным вещам и рассказать твоим людям добрую весть об Иисусе Христе

- Но я - великий вождь! Если я не заплачу за лечение, что подумает мой народ? Посмотри на дорогу, - он указал пальцем в сторону дороги, по которой шествовала его многочисленная свита: одни несли связки бананов, корзинки с яйцами, кур, другие вели овец, коз, свиней. Он продолжал:

- Мы принесли подарки белой маме, и ты должна принять их. Иначе все мы подумаем, что ты не любишь нас - чем еще ты сможешь доказать, что желаешь нам добра?

Тогда Гай принял мудрое решение:

- Вождь, мы не возьмем твои деньги, но с радостью примем все остальные подарки.

Это был замечательный выход из создавшегося положения: во-первых, мы не пренебрегли их добрым намерением, что очень обидело бы их; а во-вторых, нам крайне необходимы были принесенные ими продукты. Мы питались очень скромно, трижды в день я готовила рис: на завтрак - рис с бананами, на обед - рис с арахисом, а на ужин я подавала рис с арахисовым маслом. Поэтому мясо было желанным дополнением к нашей диете: как для нашей семьи, так и для работников, которых Гай обучал различным строительным специальностям (нам хотелось построить кирпичные здания, и около ста мужчин из племени бандас учились делать кирпичи). Кроме того, Гай еще дополнительно нанял лесорубов, которые заготавливали дрова и топили печь, ще обжигались кирпичи.

Мы с благодарностью приняли подарки вождя, и овцы, козы, свиньи и куры стали большой подмогой в нашем хозяйстве. Принимая подарки, Гай от всего сердца поблагодарил вождя и тут же добавил: "А если вам хочется еще больше порадовать нас, то передайте по "говорящим барабанам", чтобы к нам сошлись все вожди племен, которые подчиняются великому вождю. Я хотел бы им что-то сказать".

Великий вождь отдал приказ, загремели барабаны, и все вожди, подчинявшиеся Етаману, собрались на нашем дворе. Пришло 28 вождей, каждого из них сопровождало по два воина, за ними шли жители их деревень, и вскоре собралось такое множество народа, что на нашем участке все едва могли втиснуться. Когда все немного успокоились, Етаман встал и спросил: "Кто из вас ожидал увидеть меня здесь живым?" Обычно африканцы, когда к ним обращался великий вождь, кланялись до самой земли. Но на этот раз было так тесно, что собравшиеся только закивали головами и в один голос прокричали: "Мы считали тебя мертвым!"

"Так оно и было - до тех пор, пока не приехала белая мама!" - и вождь во всех подробностях рассказал, что я сделала для него. "Теперь я пришел уплатить свой долг, - сказал он в заключение, - но белые люди попросили только, чтобы мы выслушали их добрые слова. Для этого я и созвал всех вас сюда!"

Тогда поднялся Гай и сказал очень простую проповедь. После того, как он закончил, Етаман добавил: "Если когда-нибудь эти люди придут в вашу деревню, бейте в барабаны и созывайте народ. Пусть все оставят свои дела и придут послушать, что они хотят сказать". Благодаря этому объявлению вождя, когда мы с Гаем приезжали на велосипедах в любую из деревень, в течение десяти минут собиралось до 250, а иногда и 500 слушателей.

И все же Етаман никак не мог понять, что я была вовсе не знахарка, владеющая более сильными фетишами, чем африканские знахари. Он много раз просил, чтоб я продала ему фетиш, при помощи которого он был бы всегда здоров. Вождь Етаман уверовал в Иисуса Христа только через 18 лет после своего исцеления.

Так Господь заложил начало миссионерской работы в Иппи. Постепенно наша жизнь вошла в колею. В тот период я написала письмо друзьям в Денвере, которые просили описать обычный день нашей жизни в Африке. Я писала, что живем мы в глинобитной мазанке с земляным полом; что у нас нет кухни, и я готовлю обед прямо во дворе на очаге из трех больших камней. Я пекла кукурузный хлеб: клала дрова в импровизированную "духовку", и когда дрова превращались в пепел, а камни раскалялись, ставила туда тесто, закрыв отверстие большим камнем. Какой вкусный обед можно приготовить на раскаленных камнях! Для меня это был суший пустяк, и я никогда не жаловалась на отсутствие удобств, но благодарила Бога, что Он послал мне крепкое здоровье. Я всегда старалась не упускать из виду главное: великое преимущество служить Господу среди людей, которые никогда не слышали о Его имени. К тому же рядом со мной были дети и любящий муж, Бог всем нам посылал доброе здоровье, и несмотря на отсутствие удобств, я не чувствовала себя чем-то обделенной.

Свое письмо я адресовала женской группе в нашей церкви в Денвере, не подозревая, как оно подействует на людей, и в частности, на супругов Лумис. Они были новообращенными. С тех пор, как они приняли Иисуса Христа, их жизнь очень изменилась: они стали серьезно изучать Библию и стремились строить свою жизнь на библейских принципах. В тот год они переселились с фермы в город и начали устраиваться на новом месте. Жили они очень скромно и решили обойтись старой мебелью и посудой, но начать понемногу откладывать деньги на покупку новой плиты. За год они скопили достаточно денег, и покупка плиты стала возможной ко дню рождения госпожи Лумис.

Однако после того, как в женской молитвенной группе прочитали мое письмо, каждый раз, когда она думала о новой плите, у нее перед глазами вставала другая картина: как я готовлю обед, согнувшись над тремя камнями. "А я еще жалею на свою старую плиту!" - огорченно думала она. В день ее рождения муж объявил, что наконец-то они могут заняться поисками новой плиты. Он думал, что жена очень обрадуется - ведь ей пришлось так долго ждать! Но она расплакалась. Муж очень встревожился и начал выяснять, в чем дело. Немного успокоившись, она ответила:

- Не знаю, как тебе это объяснить, но я не хочу покупать новую плиту.

- Почему?

- Я хотела бы отослать собранные деньги Маргарет Лэйрд в Африку, но боюсь огорчить тебя.

Муж обнял ее:

- Это самый счастливый день в моей жизни! Подумать только: моя жена готова отказаться от вещи, которая ей очень нужна, и отослать деньги на нужды миссионеров!

Они прислали нам все деньги, которые долго и терпеливо копили. Вскоре после этого господин Лумис умер, и его жена осталась вдовой с маленькими детьми. Узнав об этом, я хотела возратить вдове деньги, но она наотрез отказалась, написав мне: "Для меня это осталось одним из самых дорогих воспоминаний: как счастливы были мы с мужем, когда решили отослать деньги вам в Африку. Я не возьму денег назад!"

7. Прокаженный Конги

Конги был первым африканцем, с которым я познакомилась в Сибуте, где поселилась для изучения языка санго. Когда я только приехала в Африку в 1923 году, вначале у меня все как-то не ладилось. Одно из первых затруднений возникло в результате того, что на курсах языка ожидали приезда мужчины, и для меня была выделена часть комнаты, где уже поселился другой миссионер. Когда вместо мужчины появилась я, нужно было срочно что-то менять, и мне предложили временно поселиться в сарае, выстроенном для коз. Для этого часть сарая вычистили, посыпали пол свежим песком, и я вселилась.

Однако вскоре возникло непредвиденное затруднение: козы не пожелали признать, что теперь угловую часть их сарая занимаю я, и что есть силы бились рогами в бамбуковую дверь. По ночам мне становилось жутко: как только я засыпала, они в очередной раз начинали бить рогами в разделяющую нас шаткую дверь. Миссионер Розенау, ответственный за курсы, отнесся к моей беде с большим сочувствием и предложил выход из положения: "Я пришлю тебе мальчика, - пообещал он, - который будет отгонять коз".

Мальчишку, которого он прислал, звали Конги. В день нашего знакомства я никак не могла предположить, что Конги станет моим верным другом на долгие годы. Он не только защищал меня от коз, но помог в освоении языка. Еще до нашего знакомства Конги ходил во французскую школу и немного знал французский язык, чем очень гордился. Услышав, что я тоже знаю французский, но не могу говорить на языке санго, Конги сразу же предложил: "Хочешь, я тебя научу? Читай мне на французском, а я буду пересказывать тебе прочитанное на санго. Записывай, что я говорю, и скоро ты будешь говорить так же хорошо, как я!" Я начала читать ему вслух истории из Нового Завета, а Конги переводил их для меня на язык санго. В результате нашего языкового обмена Конги уверовал в Иисуса Христа, и с того момента начал называть меня "мамой". Хотя африканцы называли мамой всех белых женщин (этот обычай изменился только к концу 50-х годов), для Конги слово "мама" имело особый смысл - для него я была "мамой в Господе".

Я привязалась к Конги и безоговорочно доверяла ему. Через несколько лет мое доверие было сполна вознаграждено. К тому времени в моей жизни произошли большие перемены: я вышла замуж за миссионера Гая Лэйрд, и в 1928 году нам предложили поселиться в отдаленном местечке Иппи. Когда мы начали готовиться к переезду, Конги пришел с советом: "Я не знаю, есть ли в Иппи козы, но точно знаю, что вашим детям необходимо молоко. Почему бы вам не купить здесь коз, которых я передал бы в Иппи?" Я очень обрадовалась этому предложению, хотя другие миссионеры пытались меня отговорить: "Какая наивность! Неужели ты доверишь Конги стадо коз?"

Мы с Гаем обсудили этот вопрос и решили принять предложение Конги. Купив коз, Гай передал их в распоряжение Конги, а сам уехал в Иппи. Конги не тратил времени зря и вскоре отправился в дальний путь, ему с козами предстояло преодолеть расстояние в пятьсот километров. Когда он уходил, один из миссионеров сказал мне: "Ну, Маргарет, в последний раз ты видишь и Конги, и своих коз!"

Но я совсем не переживала об этом, и мое доверие было сполна вознаграждено, когда несколько недель спустя я привезла в Иппи своих малышек, через день там появился и Конги. Преодолев пешком огромное расстояние, он не потерял в пути ни одной козы. Я не ошиблась в Конги! Перегнав стадо в Иппи, он продолжал добросовестно ухаживать за козами. Но в один прекрасный день Конги сказал мне:

- Мама, тебе придется найти другого пастуха. Я больше не буду пасти твоих коз.

- Хорошо, Конги, пусть будет по твоему. Но вспомни, чья это была затея с козами? Я не просила тебя переселяться в Иппи и предупреждала, что тебе будет трудно привыкнуть к новому племени, и ты станешь скучать по дому Ну, да что теперь об этом говорить! Ладно уж, я оплачу твой проезд домой на почтовом грузовике.

- Кто тебе сказал, что я собираюсь уезжать в Сибут? - удивленно посмотрел он на меня. - Сегодня утром твой муж объявил, что через неделю начинает занятия с желающими научиться проповедовать. Я хочу быть евангелистом, и поэтому тебе надо найти другого пастуха.

Закончив учебу, Конги стал евангелистом. В течение многих лет он регулярно навещал нас или присылал весточки о своей работе. Неожиданно в нашей переписке наступил длительный перерыв: мы не получали от Конги никаких известий, и это было очень непохоже на него. Как-то пришел посыльный с сообщением: "Конги говорит, что если вы хотите увидеться с ним - вы знаете, где он живет".

Мы не могли понять, что с ним случилось, я села на велосипед и поехала на соседнюю миссионерскую станцию, где трудился Конги. Хотя у меня и было предчувствие, что произошло что-то неладное, я была потрясена, когда увидела его: наш верный друг Конги заболел проказой. На правой ноге у него уже не доставало трех пальцев и все шло к тому что и на левой ноге скоро отпадут пальцы. Я сразу же отправилась на ближайшую медицинскую станцию в Бамбари. "Госпожа Лэйрд, - сказал мне там врач, - у меня есть препарат для инъекций, который мог бы помочь, но это очень дорогое лекарство".

Я тут же купила две коробки с ампулами и дважды в неделю проделывала путь в 40 километров, чтобы сделать Конги укол. На это уходило много времени, я не справлялась с работой в амбулатории, и наконец предложила мужу: "Давай построим в лесу рядом с нами небольшую хижину для Конги, и тогда мне не нужно будет ездить так далеко". Так мы и сделали, но переезд поближе к нам и регулярные инъекции не принесли желаемых результатов. Самочувствие Конги ухудшалось, и я решила предложить другой вариант: "Конги, а почему бы тебе не возвратиться в Сибут?" В те времена ближайший лепрозорий находился в районе Сибута. Но мое предложение крайне огорчило Конги:

- Да, да, понимаю, когда я был здоровым и сильным, и ухаживал за твоими козами или целыми днями проповедовал, Конги был нужен всем! А теперь, когда я стал прокаженным и больше не могу работать, вы хотите избавиться от меня!

- Нет, Конги, ты не прав. Просто в лепрозории тебя будут ежедневно лечить, и болезнь не будет развиваться так быстро. А еще думал ли ты о том, что в лепрозории Бог может дать тебе служение?

Конги никак не отреагировал на мои слова. Через несколько дней я решила попытаться еще раз:

- Конги, мне кажется, что ты должен уехать в Сибут. Только не уезжай с огорчением в сердце. Если ты не избавишься от него то не сможешь быть добрым свидетелем Иисуса Христа.

Наконец, Конги согласился уехать, хотя по-прежнему был сильно огорчен. Мне тяжело было с ним расставаться, но я не сомневалась, что мы приняли правильное решение. Выполняя данное Конги обещание, я каждый день молилась о нем, ожидая возможности навестить его и увидеть, как он устроился. Когда я, наконец, смогла поехать к нему в гости, я стала свидетелем самого большого чуда в моей жизни. Человек, встретивший меня у ворот лепрозория, указал на хижину в которой жил Конги. Она напоминала общественный центр: со всех сторон к ней шли люди. Конги был так же безмерно рад встрече, как и я, и с порога предложил:

- Мама, скоро должно начаться наше дневное богослужение - может, и ты засвидетельствуешь о Господе?

Я с радостью согласилась. А так как до служения еще оставалось время, мы могли с ним немного поговорить. Во время разговора я наблюдала за входившими людьми: внешний вид прокаженных был ужасен. Мое внимание привлекла одна женщина: ее ноги заканчивались культиями на уровне щиколоток, обе стопы отсутствовали. Чуть ниже локтей торчали огрызки того, что когда-то было руками. Проказа отняла у женщины стопы ног, и она передвигалась полусидя, отталкиваясь от земли локтями. Все ее лицо было покрыто страшными узлами и наростами.

Началось собрание, и я на время забыла о ней. После окончания собрания я увидела эту прокаженную совсем рядом, и теперь уже вблизи рассмотрела ее изуродованное тело и лицо. Будучи медсестрой, я привыкла видеть разные увечья, но жалкое состояние этой женщины глубоко поразило меня. Видимо, это отразилось на моем лице, потому что она громко воскликнула: "Мама, не смотри на меня с таким сожалением! Неужели ты не понимаешь, что я благодарна Богу за мою болезнь?" И прокаженная начала торопливую исповедь. С первых же слов меня поразило, что эта женщина с обезображенным лицом мыслила очень ясно и говорила с большим воодушевлением.

"Ты вряд ли помнишь меня, а я тебя знаю - я жила в Сибуте, когда ты только приехала в Африку и еще не вышла замуж. Я гостила в соседней деревне, когда ты приехала туда на велосипеде, чтобы рассказать людям о Боге. Твои рассказы вызвали во мне такую жгучую ненависть, что я плюнула на твою тень и ушла с богослужения. Позже в нашу деревню приехал миссионер Розенау. Он тоже проповедовал Евангелие, но я плюнула и на его тень и ушла прочь. Молодая, красивая, я не хотела слушать ваши проповеди - мне не нужен был Бог. И когда вождь племени предложил мне выйти за него замуж, я с радостью согласилась и несколько лет была не просто деревенской девушкой, а одной из жен вождя.

Но вскоре пришла болезнь. Когда вождь узнал, чем я больна, он отверг меня, приказав, чтоб я немедленно ушла. Он боялся, что я заражу его и жителей деревни. Я обратилась за помощью к родственникам, но и они прогнали меня - никто не хотел иметь дела с прокаженной. Наконец, меня отослали в лепрозорий. Я всех ненавидела, мне хотелось умереть. Но однажды в мою комнату вошел Конги. Я вела себя с ним так же, как с остальными: моим жалобам не было конца. Но Конги не упрекал меня, а с большим сочувствием сказал, что ему понятно то, что происходит в моей душе, потому что он сам пережил подобное.

Он рассказал мне о своей судьбе и закончил так: "Каждый из нас чувствует себя глубоко одиноким, когда близкие отвергают нас, но важно помнить, что есть Тот, Кто любит тебя и меня". И Конги стал рассказывать мне об Иисусе Христе. Мое сердце смягчилось, и вскоре я уверовала в Бога. Так что видишь, мама, если бы я была здоровой и не попала в лепрозорий, я не смогла бы познать любовь Иисуса Христа. Я благодарна Богу за все, потому что здесь я нашла моего Спасителя и теперь в вечности буду с Ним!"

Пока прокаженная говорила, с ее лица не сходила улыбка. Прощаясь, женщина сказала: "В вечности мое тело будет таким же здоровым и кожа такой же чистой, как у тебя. У меня будет все новое!" И она отползла в сторону передвигаясь, как неуклюжая черепаха. Меня поражала ее радость: хотя в обезображенном теле шел процесс распада, душа ее пережила вечное исцеление.

На дневном богослужении присутствовало 35 человек - как я узнала позднее, все они пришли ко Христу благодаря свидетельству Конги. А он был счастлив, что служит Богу на таком необычном миссионерском поле. Когда я выходила из лепрозория, меня остановил африканец в белом халате врача.

- Я видел, из чьей хижины вы вышли, - сказал он, - и думаю, что вас зовут госпожа Лэйрд.

- Да, вы не ошиблись, - ответила я. Он улыбнулся и приветливо сказал:

- Мне давно хотелось познакомиться с вами! Есть ли у вас несколько минут, чтоб побеседовать со мной?

Я согласилась, и он стал рассказывать о себе. Еще мальчиком он поступил в школу при одной из миссий в Конго. На его незаурядные способности обратили внимание и направили для дальнейшей учебы в Париж. Там он занялся изучением медицины. Молодой человек гордился возможностью получить образование во Франции и мечтал по возвращении в Африку стать знаменитым врачом. После окончания учебы его направили на работу в один из лепрозориев. Узнав об этом, он пришел в ужас, опасаясь, что может заразиться проказой. Но несмотря на все его протесты, ничего нельзя было изменить. Приступив к работе в лепрозории, он впал в отчаяние.

Как-то раз он заметил, что к хижине Конги сходятся люди. Молодой врач подумал, что прокаженные готовят какой-то заговор, и решил спрятаться в кустах и понаблюдать. Врач видел через окно, как Конги встал перед собравшимися, вынул из кармана книгу в черном переплете и начал читать. Врач был поражен: "Что это? Неужели одна из этих лесных обезьян умеет читать?" Он стал прислушиваться, и проповедь захватила его. Снова и снова он приходил на это место, чтобы послушать Конги из своего укрытия. Хотя молодой человек учился при католической миссии, он никогда не слышал, что Христос умер и за его грехи и что он нуждается в Спасителе.

"Так Конги помог мне найти правильный путь, сделать самое важное открытие и полюбить вот эту книгу!" - закончил доктор свой рассказ, вынув из кармана Новый Завет. Я чуть не заплакала от радости, потому что это был тот самый Новый Завет который я много лет назад подарила Конги вскоре после нашего знакомства. Доктор продолжал: "Все мы бесконечно благодарны вам за то, что вы прислали к нам Конги. После его приезда в лепрозорий это место просто нельзя узнать! Теперь многие мои пациенты уже не впадают в отчаяние, у них появилась надежда на Бога. Многие говорят что если бы они не попали сюда, то никогда не встретились бы с Божьим человеком Конги".

Для меня этот день был особенно счастливым - я стала свидетелем удивительного служения среди прокаженных, которое Бог доверил Конги. Более двадцати лет с полной отдачей и энтузиазмом он трудился для Господа в лепрозории. Не раз после того мне приходила мысль, что очень немногим из нас Бог доверяет служение, сопряженное с большими личными страданиями, чтобы благодаря этому более успешно свидетельствовать о Его любви.

8. Африканские будни

- Маргарет, к нам едут гости!

Одной короткой фразой Гай разрушил будничное течение моей жизни. Гостем оказался Феликс Ибою. Еще до нашего переселения в Иппи он обещал со временем прислать в эту местность французского администратора, и теперь решил сам проверить, наступило ли время предпринять этот шаг.

Находясь у нас в гостях, он внес предложение, которое показалось мне совершенно неприемлемым. "Дело в том, что губернатор отправляет меня в шестинедельную командировку. К сожалению, я не смогу взять с собой жену и детей, они должны будут остаться дома. Госпожа Лэйрд, я обратил внимание на ваших детей - они такие крепыши и так отлично выглядят! И я подумал: не согласитесь ли вы помочь моей жене? Может ли она погостить у вас, чтобы набраться опыта, как растить детей?"

Это предложение привело меня в ужас. Господин Ибою прибыл к нам в тот день, когда я занималась окуриванием дома, чтоб избавиться от насекомых, и все вокруг было вверх дном. Мне приходилось бывать в роскошном доме Ибою, занимавшего высокий административный пост в Бангасу Я ужаснулась: чем я буду их кормить в течение шести недель? Обед в доме Ибою обычно состоял из восьми блюд, а я радовалась, если умудрялась приготовить для семьи обед из двух блюд. Кроме того, их надо будет чем-то занять, и я мота бы оторваться от работы и посвятить гостям один-два дня, но шесть недель - это казалось невыносимым! Гай пытался развеять мои страхи:

- Маргарет, другого выхода нет, - убеждал он. - мы должны их пригласить. Так зачем же об этом столько переживать?

- Гай, ты прекрасно знаешь, насколько я загружена работой! Я никак не могу их пригласить на такое длительное время!

- Но, Маргарет, как знать: может быть, Богу угодно, чтобы мы послужили этим людям добрым свидетельством? Если отказать им, они подумают, что просто мы, белые, не захотели принять у себя чернокожих. Не переживай - Бог позаботится и о еде для них, и о том, чем их занять. Давай пригласим их! Я еще успею сделать бамбуковую пристройку к дому - это будет их спальня. Они смогут пользоваться нашей ванной, и все будет в порядке.

Через несколько недель госпожа Ибою с тремя детьми поселилась в нашей бамбуковой пристройке. Мы договорились, что я буду вставать первой, а после того, как я приму ванну и возьмусь за приготовление завтрака, ванная комната будет в ее распоряжении. Через день после приезда гостей к нам принесли двух раненых, пострадавших во время охоты на буйволов. Они выстрелили в старого буйвола, только ранив его, и он набросился на них. Одного из охотников буйвол бил копытами, и он умер вскоре после того, как его принесли к нам во двор.

Второй, пытаясь спастись, влез на дерево, но буйвол тряс дерево до тех пор, пока человек не упал на землю. Тогда разъяренный зверь распорол ему рогами бок, а затем подбросил в воздух и снова поймал на рога. У пострадавшего было несколько закрытых переломов. Мы положили его на кухонный стол и начали обмывать раны. Больной был настолько плох, что я решила не отправлять его домой. Расстелив циновку на веранде, я положила туда пострадавшего, чтобы держать его под наблюдением.

На следующий день принесли девочку. Начинался сухой сезон, и чтобы поймать дичь, местные жители устраивали лесные пожары. По традиции, после очередного пожара женщины выходили охотиться на крыс. На территории с выжженной травой они легко находили крысиные норы, раскапывали их небольшими тяпками и вытаскивали оттуда крыс.

Мать девочки пошла на крысиную охоту вместе с дочерью. Наступив на тлеющую нору, девочка сильно обожгла ноги: ее ступни покрылись волдырями, и она не могла идти. Посадив девочку на ветку дерева, мать приказала ей сидеть там до тех

пор, пока она не возвратится с охоты. Прошло много времени, девочка устала сидеть на дереве. Услышав шорох в кустах, она подумала, что мать пришла за ней, и спрыгнула с дерева. Но там ее ожидал разъяренный буйвол, спасавшийся от пожара. Он набросился на девочку, вонзил рог ей в щеку и проколол насквозь, задев при этом глаз. Потом буйвол подбросил девочку вверх и поймал на рога.

Израненного ребенка несли более двадцати километров до нашей станции. Когда ее принесли, она была вся в крови. Я расстелила на полу газеты. (Отец моего мужа был редактором газеты в Денвере и еженедельно посылал нам свою газету. Хотя у нас не всегда было время их читать, мы были рады газетам: я расстилала их на полу, когда принимала роды, или покрывала ими кухонный стол, когда использовала его в качестве операционного. После того, как отец мужа умер, нам очень не доставало газет, но к тому времени я уже научилась пользоваться банановыми листьями.)

Положив девочку на газеты, я обмыла кровь. Чтобы защитить кожу на ее лице, мне пришлось сделать более двадцати стежков. Позднее один из стежков загноился, и в результате на щеке у нее осталась ямочка - единственный след, напоминавший о встрече с буйволом. Когда она выросла и вышла замуж, я трижды принимала у нее роды.

Все эти дни госпожа Ибою молча наблюдала за тем, как я ухаживала за больными. А я настолько закрутилась, что у меня не оставалось времени на переживания о том, как развлечь моих гостей. К тому же, немного освоившись, госпожа Ибою не захотела быть просто наблюдательницей, но все время помогала мне. На второй день ближе к вечеру у жены одного из наших рабочих родился мертвый ребенок, и с горя несчастная мать пыталась покончить жизнь самоубийством. Для африканки нет большего позора, чем рождение мертвого ребенка: в таком случае муж мог оставить жену. Несчастная женщина была уверена, что теперь муж прогонит ее. Ее муж работал плотником, дома у них оказался молоток, и она стала бить себя молотком по голове.

Услышав об этом, я побежала через рошу к рабочему поселку. В небольшой круглой мазанке находилось несколько мужчин, но ни один из них не попытался даже забрать молоток у нее из рук. Осмотрев роженицу, я обнаружила, что плацента еще не вышла. Я начала извлекать плаценту и пока возилась с ней, мое внимание привлек странный звук. Я посмотрела в сторону, откуда он доносился, и увидела лежащего на полу новорожденного: ребенок сделал громкий вдох, и у него изо рта потекла жидкость.

"Ребенок жив!" - закричала я. Но все принялись уверять, что он мертвый. Сняв с себя нижнюю юбку, я завернула в нее ребенка. Забрав ребенка и молоток, в кромешной тьме я побежала через рошу домой. Гай сидел за обеденным столом и читал при тусклом свете керосиновой лампы. Положив перед ним ребенка, я попросила: "Скорее делай ему искусственное дыхание, пока я прокипячу шприц!"

Простерилизовав шприц и иголки, я сделала новорожденному укол в сердце. Мы провозились до полуночи, пока у ребенка не восстановилось ритмичное дыхание. Я не собиралась глубокой ночью нести новорожденного обратно. Положив его в корзинку, я поставила ее под накомарник в ногах своей кровати: мне казалось, что так я скорее услышу плач малыша. Свалившись от усталости, я так крепко заснула, что проснулась только на следующий день, когда на небе уже ярко светило солнце "Ох, что же я наделала? - заволновалась я. - Госпожа Ибою, наверное, давно уже хочет принять ванну, а я до сих пор не приготовила завтрак!" Занявшись приготовлением завтрака, я совсем забыла о прошлой ночи и о новорожденном, спящем в моей спальне. Тем временем госпожа Ибою пошла мыться, но через минуту подбежала к двери.

- Скорее, скорее позовите вашего мужа! Скажите, чтобы он захватил ружье!

- Что случилось? - спросила я.

- В вашу спальню пролез какой-то дикий зверь!

- Госпожа Ибою, я только что вышла из спальни, и там ничего не было. Вы видели этого зверя?

- Нет, но я слышала странные звуки.

Войдя в спальню, я прислушалась, но ничего не услышала. Вдруг раздался плач, и я сразу же вспомнила о новорожденном. Подойдя к кровати, я подняла сетку и позвала:

- Госпожа Ибою, посмотрите, вот ваш дикий зверь!

- Откуда взялся этот чернокожий ребенок? Как он оказался в вашей кровати?

- Неужели вы ничего не слышали вчера ночью?

Оказалось, что она крепко спала и ничего не знала. Я рассказала ей, откуда взялся ребенок. Так в течение шести недель, пока у нас гостила госпожа Ибою, одно происшествие сменялось другим. В день своего отъезда она, поблагодарив меня, сказала:

- Госпожа Лэйрд, простите меня, но это ужасно, что в вашем доме постоянно толпятся люди и вы вынуждены оперировать на кухонном столе! Больные лежат у вас на веранде! Так не может больше продолжаться - вам необходимо иметь отдельное помещение.

- Госпожа Ибою, знаете ли вы, что я не имею права открыть амбулаторию в Африке, потому что курс обучения я прошла не здесь, а в Америке?

- Как все это нелепо! Я поговорю об этом с моим мужем.

После того, как она уехала, я сказала Гаю.

- А тебе не кажется, что господин Ибою прислал свою жену проверить, как я обслуживаю пациентов?

- Не думаю, - сказал Гай. - Но даже если это так, мы должны предать все в руки Божьи.

Через два дня я получила письмо от господина Ибою: он советовал мне обратиться к официальным лицам за разрешением открыть амбулаторию, приложив к прошению документы о моем медицинском образовании, и направить пакет на его адрес. Я отослала ему прошение и документы.

Через несколько дней пришел ответ. Господин Ибою пререслал его нам, а также приложил копию своего сопроводительного письма-рекомендации, в котором он лично обращался к губернатору. Это были три страницы печатного текста, повествующие обо всем, что увидела в нашем доме его жена за шесть недель, пока гостила у нас. Письмо заканчивалось так: "Убедительно прошу дать разрешение на открытие амбулатории в Иппи. А если моя просьба покажется вам не достаточно аргументированной, то можете вычеркнуть мое имя из списков государственных администраторов, потому что после этого мне стыдно будет признаться, что я французский служащий".

Через несколько дней я получила официальное разрешение открыть амбулаторию при нашей миссионерской станции в Иппи. Как чуден Бог - Он исполнил Свою волю несмотря на мое нежелание пригласить в свой дом госпожу Ибою. И как раз то, чего я так опасалась, Бог использовал, чтобы открыть для нас амбулаторию.

С увеличением медицинской работы возросли и мои обязанности. Больше стала также нагрузка в семье, особенно после рождения сына. Между нашими дочерьми Арлин и Марианной очень небольшая разница - всего год и месяц. Но это "неудобство" превратилось в преимущество: я обучала их по одной программе и одним и тем же учебникам, что было бы невозможно, если бы между ними была большая возрастная разница.

В августе 1937 года родился наш сын Клиффорд. Надо сказать, что мы оказались неподготовленными к его рождению. Возвратившись в Африку после нашего первого отпуска в Америке, я ожидала рождения Марианны и привезла с собой большие запасы овсянки и чернослива. После того, как Марианна подросла, к нам приехала знакомая миссионерка, у которой я принимала роды. У нее не оказалось молока, ребенка приходилось подкармливать, и я отдала ей все оставшиеся запасы овсянки и чернослива, так как Марианна уже могла есть обычную пищу.

Рождение Клиффорда застало нас врасплох: его тоже нужно было подкармливать, организм малыша не принимал одного только козьего молока, в него нужно было добавлять отвар овсянки. Наш первый ребенок умер в младенчестве, и я не раз казнила себя за то, что дала четырехмесячной дочурке апельсиновый сок из недозревшего плода. Не знаю, было ли это причиной ее смерти, но мне необходимо было иметь чернослив, чтобы не рисковать с Клиффордом.

Семья миссионерки, которой я отдала тогда все запасы овсянки и чернослива, приехала к нам в гости. Они собирались в Бамбари за покупками и спросили, что нам привезти. Просматривая составленный мною список, в который я включила овсянку и чернослив, миссионерка укоризненно покачала головой: "Как неразумно с твоей стороны не позаботиться об этом заранее!" Меня настолько поразили ее слова, что я даже не нашлась что ответить, а она продолжала читать нотацию: "Почему ты заранее не выписала овсянку и чернослив из Америки? Ведь ты знала, что ожидаешь ребенка! Я уверена, что в Бамбари не найти этих продуктов".

Я не верила своим ушам: уж она-то хорошо знала, что я привезла из Америки достаточные запасы овсянки и чернослива, но отдала все для ее ребенка! К горлу подкатил комок, но я промолчала. Как только они уехали, я не в силах была сдержать слез и ушла в спальню помолиться: "Господи, Ты знаешь, как все произошло и почему я оказалась без детского питания! Я не сомневаюсь, что Ты можешь позаботиться о моих детях и здесь, в сердце Африки. Ты знаешь, что у нас не было денег, чтобы заказать в этот раз продукты из Америки. Для Тебя нет ничего невозможного - пошли моему малышу все то, в чем он нуждается!" Я еще была на коленях, когда услышала, что муж зовет меня. Я вышла из спальни и увидела, что Гай во дворе разговаривает с двумя португальцами. Они рассказали нам, что на их шахте только что умер от солнечного удара молодой бельгиец лет 20. Когда парень решил ехать в Африку, его мать очень переживала, и он обещал ей, что не будет пить и никогда не женится на африканке. Приехав на прииск, бельгиец держался в стороне от общепринятых развлечений и был очень одинок. Однажды вечером он пошел на прогулку и увидел горящий костер. Из любопытства он подошел ближе: пять африканцев разместились вокруг костра и, лежа на животах, держали перед глазами какие-то небольшие книжки. Он очень удивился, потому что не подозревал, что местные жители умеют читать. Выяснив, что они читают Евангелие, бельгиец рассмеялся: "Трудно поверить, что Бог понимает ваш язык!"

Африканцы показали ему Евангелие от Иоанна, которое перевел Гай. Когда мы были в отпуске в Колорадо, наша церковь отпечатала для нас 10 тысяч экземпляров этих Евангелий. Гай научил мужчин читать и подарил каждому по Евангелию, но мы не знали, что с ними стало после того, как они ушли работать на шахту.

В течение нескольких дней бельгиец находил их на том же месте у костра. Наконец, он сказал: "Вы портите глаза, читая при таком плохом освещении! У меня на веранде есть большая керосиновая лампа - собирайтесь там и читайте. Да и я послушаю: если Бог может говорить с вами, то не исключено, что Он может что-то сказать и мне". Так африканцы начали собираться в доме бельгийца. Как-то он вспомнил, что, провожая его в Африку, мать дала ему Новый Завет. Сын пообещал, что будет его читать, но все никак не мог собраться достать Евангелие из чемодана. С того дня он начал читать Новый Завет сравнивая французский перевод с переводом на язык санго. Через короткое время он принял Иисуса Христа как своего Спасителя. Вскоре он получил солнечный удар: когда бельгийца принесли домой, у него была температура выше 40 градусов. Перед смертью молодой человек пришел в сознание и попросил, чтобы его похоронили в Иппи.

И вот теперь эти португальцы разыскали Гая, чтобы он написал матери бельгийца о смерти сына, а также о том, что он пришел к Богу, и они встретятся в вечности. Нас опечалил рассказ о преждевременной смерти юноши, и мы обещали написать его матери. Простившись, гости направились к автомобилю, и я пошла проводить их. Уже садясь в машину, один из них спросил:

- Госпожа Лэйрд, вас не обидит, если мы оставим кое-что для ваших детей?
- Да что вы! Я приму это, как любезность с вашей стороны и как Божью заботу о нас.
- Всю необходимую провизию мы получаем из Бельгии - ежемесячно нам присылают два больших контейнера. Не знаю почему на каждый раз в них кладут овсянку, чернослив и какао, хотя наши мужчины этой пищи не едят. Я привез свою долю и хочу оставить все это вам. Пригодятся ли вам эти продукты?
- Когда вы подъехали к нашему дому, я стояла на коленях и просила Бога послать нашим детям именно такую еду. И теперь через вас Господь так чудесно восполнил нашу нужду!

Португальцы расчувствовались, пообещав на прощание: "Мы расскажем об этом своим сотрудникам, потому что они просто выбрасывают свою долю". Таким образом, мы теперь ежемесячно получали не по одной, а по 10 или даже 12 коробок с овсянкой, черносливом и какао. Это продолжалось до нашего отъезда в Америку.

Как-то французский администратор спросил, как мы умудряемся растить детей в таком отдаленном месте, да притом еще непрерывно оказывая медицинскую помощь местному населению? Я рассказала ему о случае с овсянкой и объяснила, что Сам Бог удивительным образом заботится о нуждах наших детей.

На следующий год мы уехали в годичный отпуск на родину. Хотя в то время в США был экономический упадок, нас это не пугало. На этот раз, когда мы возвратились (мы приезжали в Америку каждые четыре года), - у нас уже было четверо детей, и мы решили поселиться не у моей матери, как в прошлый раз, а подыскать себе отдельное жилье.

Как только мы устроились на новом месте, все дети заболели коклюшем. По ночам мне часто приходилось вставать к ним. У них пропал аппетит и я пыталась подыскать пищу, которую они могли бы есть. Дети часто просили: "Мама, купи нам апельсинов!" В Африке у нас было изобилие фруктов, там я даже заставляла детей есть их, говоря: "Апельсины очень полезны! Если вы будете есть апельсины, у вас будут крепкие кости". Дети полюбили апельсины. Но теперь я не могла покупать им фрукты, так как в Америке в то время апельсины стоили очень дорого. Прошло еще несколько дней, болезнь была в самом разгаре, дети чувствовали себя ужасно, и я решила купить им немного фруктов.

Придя в магазин, я положила в пакет несколько апельсинов. Ко мне подошла женщина из нашей церкви и заметив, что я покупаю апельсины, сказала: "Видимо, миссионеры получают очень хорошую зарплату - я давно уже не могу позволить себе купить апельсины моим детям!" Ее упрек лишил меня покоя. По пути домой я рассказала об этом Господу. Мне вспомнились слова из Библии: "Никто из нас не живет для себя", и я подумала, что мой поступок может запятнать репутацию миссионеров среди членов церкви. Мне стало очень тяжело от этой мысли и я просила Господа, чтоб Он в дальнейшем избавил меня от желания покупать детям апельсины. И хотя дома дети с радостью набросились на фрукты, я дала себе твердое слово, что больше покупать их в Америке не буду.

В тот вечер к нам зашла девушка из нашей церкви. "Я недавно устроилась на работу, - сказала она, - и сегодня получила свою первую зарплату. Я спросила у Господа, как мне использовать для Него часть заработанных денег Он положил мне на сердце купить апельсинов для ваших детей". И она достала из сумки кулек с апельсинами. Я была поражена, как Господь усматривает всякую нужду! С того дня почти каждую неделю кто-то из знакомых приходил к нам в дом с пакетом апельсинов. Дети не были лишены фруктов, а я избавилась от угрызений совести: вправе ли я, как миссионерка, покупать апельсины для детей?

Год в Америке пролетел очень быстро. Для Гая в Денвере находились разные инженерные работы, я подрабатывала, ухаживая за больными на дому, и таким образом мы собрали нужную сумму, чтобы закупить все, что необходимо было взять с собой в Африку. Гай обратился к пастору с одной только просьбой, чтобы церковь оплатила наш проезд. Но пастор сказал:

- Церковь испытывает финансовые затруднения, так как страна охвачена экономической депрессией. Многие живут за счет пособий по безработице и я не знаю, сможем ли мы помочь вам с оплатой проезда.

Гай предложил:

- Назначьте встречу миссионерского комитета, мы обсудим этот вопрос и будем вместе молиться, чтобы Господь пробудил желание поучаствовать в нашей нужде.

Пастор согласился. Когда члены комитета собрались и провели вечер в молитве, Гай предложил назначить прощальное богослужение, в котором смогут принять участие все баптистские церкви Денвера, сотрудничающие с нашей церковью.

- Я считаю, - продолжал Гай, - что на этом собрании уместно будет объявить сбор любви для нашей семьи на расходы, связанные с возвращением на миссионерское поле. Если будет собрано достаточно средств на покупку билетов, мы примем это как Божью волю. Если же нужной суммы не окажется, нам придется отложить отъезд.

Хотя пастор и члены миссионерского комитета мало надеялись на успех, они согласились назначить прощальное служение. В тот вьюжный февральский вечер наша небольшая церковь была полна людей. В конце собрания объявили о сборе любви на наши нужды. Когда собрание закончилось, к нам с Гаем все время подходили люди, сердечно прощались и обещали молиться о нашем служении. Когда все разошлись, к нам подошли пастор и диакон церкви. "Дорогие Гай и Маргарет, - обратился к нам диакон, - я очень сожалею, но мы собрали меньше, чем нужно".

У меня защемило сердце, потому что я не сомневалась, что Бог пошлет необходимые средства. Диакон с улыбкой продолжал: "До полной суммы в две тысячи пятьсот долларов, необходимой вам на дорогу, недостает всего десяти центов!"

В этот момент открылась дверь, и в помещение вошел какой-то молодой человек. Гай узнал его: это был служащий из типографии в Ингелвуде, где Гай еженедельно проводил библейские занятия с рабочими, больными туберкулезом. Участники кружка знали о прощальном богослужении, но из-за плохой погоды не смогли прийти. Собрав деньги нам на дорогу, они передали с молодым человеком пятьдесят долларов и сорок центов.

Итак, Господь в очередной раз проявил великую верность Свою, и мы были на пути в Иппи.

9. Поселенцы

Население нашей миссионерской станции и объем работы в Иппи стремительно увеличивались. С обслуживанием станции было связано много забот. Например, приходилось держать человека, который постоянно следил бы за белыми муравьями. Он ежедневно делал обход территории и перекрывал каналы, по которым термиты могли добраться до деревянных построек и уничтожить здания. Десять человек ежедневно занимались заготовкой дров, выпалывали сорняки и снабжали водой персонал миссионерской станции.

Регулярно нужно было выплачивать налоги. Как-то пришло письмо от губернатора, в котором нас извещали, что документы на право пользования землей оформлены неправильно, хотя в момент оформления чиновники в Бамбари уверяли нас, что все сделано верно. В результате нам предъявили штраф в 680 франков, потребовав немедленной уплаты. Где было взять такие деньги? Нас облагали налогами и французы, и американцы: Гай должен был платить 150 франков подоходного налога, 270 франков налога на автомобиль, 30 - на велосипед, 50 - на "пуш-пуш" и 15 франков дорожного налога. Помимо всего, мы ежегодно платили налог за арендованную землю.

Я прилагала все усилия, чтобы сократить расходы: мы обходились без туалетного мыла, вместо зубной пасты пользовались солью, я сама пекла хлеб и т.д. Несмотря на все старания, нашего заработка было недостаточно, чтобы свести концы с концами. Но мы полагались на Господа и верили, что Он усмотрит наши нужды.

Наши дети тоже учились доверять Богу и искать воли Его. Приближался день рождения Марианны, и она с нетерпением ожидала, когда придет почта. Дочка надеялась, что кто-нибудь пришлет ей в подарок деньги: в одном из местных магазинов появилась немецкая гармоника, и Марианне очень хотелось купить ее. Стоила она 5 долларов. Ко дню рождения дочери родные прислали 2 доллара, доставало еще трех. Марианна стала умолять нас с мужем принять участие в покупке гармоники. Гай как раз немного подработал, отремонтировав автомобиль у проезжавшего через город француза.

Посадив Марианну к себе на колени, Гай сказал: "Я не против, чтоб у тебя была гармоника, и знаю, как тебе хочется ее иметь! Но вначале мы должны узнать, есть ли на это воля Божья. Ты же знаешь, что с начала года я прошу у Господа денег на издание сборника песен, которые я перевел. Для этого нужно выписать из Лондона бумагу и типографскую краску. Когда ко мне пришел человек с просьбой починить автомобиль, я подумал: вот ответ на нашу молитву. Теперь, получив деньги за починку, я могу заказать бумагу и краску. Но если ты уверена, что Богу угодно в первую очередь дать тебе гармонику, я не стану возражать. Только сначала, дочка, давай спросим Его об этом".

Отец и дочь опустили на колени и стали молиться. После молитвы Марианна обняла отца со слезами на глазах: "Папа, возьми и мои два доллара на покупку бумаги и краски. Я могу петь и без гармоники!" Гай согласился, понимая, что для дочери это будет незабываемым уроком жертвенности во имя служения. Мы с мужем всегда старались помочь нашим

детям понять, что даже собираясь истратить собственные деньги, они должны обратиться к Господу за советом. И даже если им приходилось от чего-нибудь отказаться, дети не должны чувствовать себя маленькими мучениками, так как это огорчает Бога.

Прошло еще несколько недель, и у Марианны наконец появилась гармоника - это был подарок от Господа, и она всегда с радостью использовала ее в служении. Даже после того, как, получив высшее образование в США, Марианна возвратилась в Африку для миссионерской работы, она часто ходила со своей гармоникой по деревням, играла, пела и рассказывала об Иисусе Христе, а африканцы внимательно слушали. Дав дочери этот инструмент, Господь благословил ее музыкальное служение.

Через этот случай Господь коснулся и моего сердца, научив терпеливо ожидать просимого. Порой у меня появлялось желание что-то иметь, и хотелось, чтоб это немедленно осуществилось. Но теперь я усвоила важный урок: всегда проверять, совпадает ли мое желание с волей Божьей. Я благодарю Бога за все трудности, которые мне пришлось пережить. В испытаниях человек учится понимать, что является истинным благом, а также познает силу Божью в действии. Однажды я имела возможность особенно ясно убедиться в этом. Несколько лет мы работали в Иппи одни, но потом у нас появились сотрудники-миссионеры, и мы были рады разделить труд с ними.

Продолжительное время Гай занимался с африканцами, которые уверовали в Иисуса Христа и желали принять крещение. Настал момент, когда Гай убедился, что они готовы сделать этот шаг. В пятницу Гай решил построить запруду на ручье, чтобы собрать воду для предстоящего крещения, а также расчистить один из склонов горы, на котором могли бы разместиться сотни свидетелей этого торжественного события. Заметив эти приготовления, Джон, один из наших сотрудников, спросил у Гая:

- Что ты собираешься делать? Зачем ты созвал людей к ручью?

- Мы готовимся к крещению, и нужно сделать запруду, - ответил Гай.

- Как? И я ничего не знаю об этом?

- Но ведь ты присутствовал на всех занятиях и вместе со мной экзаменовал кандидатов. Как же ты можешь не знать об этом?

- Да, но я не думал, что ты собираешься так скоро крестить их. Насколько мне известно, некоторые из желающих принять крещение - многоженцы. Неужели ты собираешься крестить прелюбодеев, которые имеют по несколько жен?

- Имею ли мы право называть многоженство прелюбодеянием? - спросил Гай. - Ведь в таком случае можно прийти к заключению, что Бог одобряет прелюбодеяние. - И он указал на место в Библии, где Бог говорит Давиду: "И дал тебе... жен господина твоего на лоно твое..." (2 Цар. 12:8). Гай также упомянул, что не только Давид был многоженцем - в Ветхом Завете можно найти целый ряд повествований, свидетельствующих, что мужи Божьи имели по несколько жен.

В первые годы миссионерской работы этот вопрос был большим затруднением для нас, так как африканцы считали, что мужчина не имеет никакого авторитета, если у него только одна жена. У нашего вождя было 75 жен. Многие мужчины в племени имел и по несколько жен. Как мы должны были поступать? Гай считал, что наша задача - проповедовать Слово Божье, а не менять обычаи африканцев. Так мы и делали. Африканцы, принявшие Иисуса Христа как своего личного Спасителя, регулярно посещали занятия по изучению Библии, одновременно учась читать. У некоторых из них было по шесть жен, и во многих случаях все жены тоже были верующими. Поэтому Гай решил всем преподавать крещение. Предварительно он объяснил, как мы смотрим на брак в свете учения Нового Завета. Он предупредил, что если после уверования мужчина возьмет себе еще других жен, то это будет грехом, так как его поступок будет рассматриваться теперь в новом свете.

И вот теперь, за два дня до крещения, появилось такое серьезное препятствие - решительные возражения нашего сотрудника. Он заявил:

- Если вы преподадите крещение многоженцам, я не буду сотрудничать с вами! Более того, в воскресенье, перед тем, как вы приступите к крещению, я объявлю всем собравшимся, что вы нарушаете заповеди Божьи. И мы уедем отсюда, и вы останетесь одни, без поддержки других миссионеров.

Обстановка становилась крайне напряженной. Как поступить? Мне было очень тревожно: наш сотрудник имел репутацию крайне упорного человека, так что нам вряд ли удалось бы его переубедить. Мой муж, не в пример мне, обладал удивительным спокойствием, и продолжал подготовку к крещению. Приближалось воскресенье, и мое волнение усиливалось. В субботу к полудню я уже не могла есть. После обеда, в самое жаркое время дня я, как обычно, уложила детей спать. Гай тоже крепко заснул. Пока они отдыхали, я молилась. У меня была большая тяжесть на сердце. Вдруг я заметила, что с горы спускается Джон, быстрыми шагами приближаясь к нашему дому "Что теперь будет? - подумала я. - Опять начнутся пререкания?"

Джон постучал:

- Гай дома?

- Да, я сейчас его позову.

Как только появился Гай, Джон сказал:

- Я пришел сказать тебе, что больше не возражаю против завтрашнего крещения.

- Чем вызвана такая резкая перемена?

- Сегодня днем меня охватил страшный приступ ярости: все мои мысли были сосредоточены на том, как подорвать твой авторитет и не допустить крещение. У меня болела голова, но после обеда, сколько я ни пытался, я никак не мог уснуть. Тогда я вспомнил, что чтение - лучшее снотворное, и взял наугад с полки книгу. Эту книгу мне подарил профессор библейского колледжа по случаю окончания учебы. Я пробовал читать ее раньше, но она так сухо написана, что я всегда откладывал ее в сторону. В этот раз я начал читать не сначала, а открыв посередине наугад. Это был рассказ о миссионере, трудившемся среди американских индейцев в районе Гудзонова залива. Господь благословил это начинание, и через короткое время миссионер уже готовил к крещению группу новообращенных. Беседуя с вождем индейцев, миссионер выяснил, что у вождя было пять жен.

- Я не смогу преподавать тебе крещение, - сказал ему миссионер. - Это против моих убеждений - крестить человека, имеющего пять жен.

- Но что мне делать? - спросил вождь. - Ведь вначале ты сказал, что если я уверую в Иисуса Христа, умершего на Голгофском кресте и пролившего Свою кровь за мои грехи, я получу спасение и буду чадом Божьим. И вот я принял Христа. Как же мне теперь быть?

- Ты должен избавиться от четырех жен. Только после этого я смогу крестить тебя, - решительно сказал миссионер. Вождь ушел. К большому удивлению миссионера, на следующий день он был среди тех, кто ожидал крещения на берегу

- Разве ты уже разрешил свои проблемы? - спросил миссионер.

- Да, я готов к крещению, - ответил вождь.

- Неужели ты так быстро сумел уговорить своих жен возвратиться к родителям? Как тебе это удалось?

- А я и не пытался их уговорить. Ты сказал, что я должен избавиться от них. Я взял топор, ударил каждую по голове, а потом похоронил. Теперь у меня только одна жена.

Миссионер пришел в ужас. Он сразу же послал за полицией, вождь был арестован, и всю оставшуюся жизнь провел в тюрьме. А миссионеру пришлось уехать - в течение продолжительного времени индейцы не хотели ничего общего иметь с миссионерами.

- Для меня это было потрясающим свидетельством, - продолжал Джон. - Автор книги подчеркивал, что тот миссионер взялся за решение очень серьезного вопроса, не понимая культуры и обычаев людей, среди которых он работал, не учитывая их прошлого. Очень опрометчиво он решил, что вправе распоряжаться жизнью индейцев. Этим примером Господь коснулся моего сердца, и я понял, насколько я похож на того миссионера.

* * *

На ежегодном заседании миссионерского совета вдруг стало очевидным, что хотя миссионерская работа в Иппи расширялась, в нашей общине не было численного роста. Мы с Гаем как-то особенно не задумывались над цифрами до тех пор, пока на доске объявлений не вывесили годовые отчеты с разных миссионерских станций. По сравнению со статистикой из других мест, наш отчет выглядел очень бледным. Во время перерыва, неожиданно войдя в одну из комнат, я услышала: "Что происходит в Иппи? Мы постоянно слышим, что Лэйрды успешно трудятся, но в их церкви не наблюдается роста - количество членов у них такое же, как в прошлом и в позапрошлом году".

Я тут же рассказала об этом Гаю, и мы впервые серьезно задумались: в чем причина? Мы ежегодно крестили новых членов, все они были верными Богу христианами. Пока мы пытались все это осмыслить, началось очередное заседание. Шел доклад с мест: присутствующие миссионеры рассказывали о благословениях в служении, пережитых в минувшем году. Разговор зашел о племени мароубас. Миссионерская станция, которая вела работу в этом племени, находилась в 130 км от Иппи.

С докладом выступил миссионер Вандегроунд. "Очень рад, что сегодня среди нас находятся супруги Лэйрд, - сказал он. - Давно уже я собирался рассказать им эту историю, но до сих пор не было такой возможности". Я вся превратилась в слух. Мистер Вандегроунд рассказывал, что он давно ожидал возможности отправиться в племя сабангас в северозападной части нашего района, километрах в ста двадцати от племени мароубас. На разработке золотых приисков в той местности работало более двух тысяч человек. Миссионер горел желанием попасть туда для проповеди Слова Божьего, но никак не мог собрать денег на бензин. Однажды к нему во двор въехала машина, и водитель выгрузил две большие канистры бензина. Выскочив во двор, господин Вандегроунд пытался остановить водителя:

- Подождите, произошла какая-то ошибка! Я не заказывал бензин.

Но водитель спросил:

- Это миссионерская станция? А вы - американский миссионер?

- Совершенно верно.

- В таком случае, я не ошибся. У вас есть время? Мне хотелось бы поговорить с вами.

Миссионер пригласил его в дом. Гость рассказал, что когда открылись прииски, золотоискатели начали подбирать рабочих. Африканцы из разных мест приходили наниматься на работу. Одиннадцать человек пришло из Иппи. Администрация сразу же обратила внимание, что они более старательны и усердны в работе, чем остальные. Все они получили хорошую работу: одного поставили поваром, другого - кладовщиком, третьего - ответственным за инструменты, и т.п. Они отличались от остальных еще и тем, что отказались работать по воскресеньям. Какое-то время это терпели, но когда из Парижа поступил приказ об увеличении поставок золота, начальство отдало распоряжение, чтобы в воскресенье все выходили на работу. Но африканцы из Иппи продолжали настаивать, что воскресенье - день Господень, и они, как верующие, по воскресеньям не работают, а читают Евангелие и молятся. Их желание учли и на этот раз.

Но вскоре рабочим объявили, что в следующее воскресенье все без исключения должны выйти на работу, а если кто не согласен, то может прийти в контору и получить расчет. Одиннадцать христиан из Иппи явились за расчетом, а затем, собрав свои вещи, зашагали на сторону Иппи.

Через два дня к начальнику приисков приехал посетитель. Как правило, французы очень гостеприимны, и хозяин пригласил гостя на обед. (Раньше у начальника прииска работал повар из Иппи, который обучался у миссионеров Лэйрд, но он ушел домой со своими друзьями. Был нанят новый повар.) В положенное время хозяин пригласил гостя к столу но обед не был готов. Пришлось сидеть и ждать. Хозяин решил предложить гостю напитки, но подойдя к буфету обнаружил, что все бутылки пусты. Разгневанный, он потребовал объяснения у повара. Тот сказал:

- Вчера ко мне в гости зашел родственник. Он знатный человек в нашей деревне, и я поступил так, как поступаете вы, принимая гостей: предложил ему напитки. Ему все очень понравилось, и поверьте, господин, мы не хотели все выпить, но не успели оглянуться, как все бутылки опустели.

Хозяин страшно возмутился, но сдержал себя, так как у него был гость. После долгого ожидания повар подал куда-то не годный обед. Пообедав, хозяин повел гостя на прииски, чтобы показать, как идет работа. Когда они туда пришли, то не нашли в забое ни души: оказывается, все спали.

- В чем дело? - потребовал объяснения разгневанный начальник.

- Мы не можем работать без инструментов. У нас нет ни лопат, ни кирок.

- Но почему вы не сходили на склад и не получили инструменты?

- Утром мы туда пришли, а там пусто, нет никаких инструментов, - ответили рабочие

- Что это значит?

Тогда один из африканцев сказал:

- Господин, не наша вина, что вы уволили хорошего кладовщика. Он передал ключи другому, а тот оказался пьяницей. Это он вчера вечером выпивал в вашем доме и забыл закрыть склад. А утром выяснилось, что все инструменты растащены.

Самыми надежными людьми были рабочие из Иппи, которых мы называли "аоцмабе" - верующими, но вы всех их уволили.

Начальник приисков решил попытаться догнать рабочих из Иппи и попросить их вернуться. Он сел в грузовик и через несколько часов догнал их, потому что из-за жары они не могли уйти далеко. Поравнявшись с рабочими, начальник стал просить их возвратиться, но они отказались. Тогда он пообещал:

- Я освобожу вас от работы по воскресеньям. Садитесь в грузовик.

- Господин, мы два дня провели в пути, и у нас было достаточно времени, чтобы обсудить обстановку. Мы решили, что согласимся работать только в том случае, если нам построят молитвенный дом - такой, как господин Лэйрд построил в Иппи. И еще одно наше условие, чтоб не только мы, но все рабочие на прииске были освобождены от работы по воскресеньям и могли приходить на собрания послушать проповедь.

Француз вышел из себя, но выбора у него не было.

- Хорошо, хорошо, садитесь в грузовик - я исполню все ваши требования!

- Господин, это еще не все. В Иппи у нас ежемесячно было хлебопреломление, и мы хотим, чтобы кто-то из миссионеров приезжал на прииск раз в месяц совершать хлебопреломление. Миссионер согласится приехать, если вы снабдите его бензином.

- Хорошо, все будет исполнено. А теперь садитесь в машину!

Водитель грузовика, привезший миссионеру бензин, закончил свой рассказ так: "я теперь регулярно буду привозить вам бензин - это распоряжение начальника прииска. Он просил передать вам просьбу рабочих ежемесячно приезжать к ним на хлебопреломление".

Во время рассказа мистера Вандегроунд нам с Гаем стало понятно, почему церковь в Иппи не растет численно: хотя мы часто крестили новообращенных, наша церковь не увеличивалась, потому что многие из членов церкви уходили в другие места, чтобы там быть добрыми свидетелями Иисуса Христа.

10. Мананга, брошенный на куче пепла

Писать об Иппи, не рассказав о Мананге, все равно что вырвать несколько страниц из учебника по истории. Мананга был из племени каннибалов в Иппи. Переселившись в ту местность, мы в первую очередь хотели хоть в общих чертах ознакомить африканцев этого племени с тем, что написано в Библии. Кроме того, Гай приступил к строительству молитвенного дома, которое было закончено через полгода после нашего приезда. Во время первого богослужения в новом здании Гай объявил: "Завтра после обеда я начну новый вид занятий. Приглашаются только те, кто уже много раз был в собрании и понимает что значит уверовать в Иисуса Христа".

Мы были абсолютно не уверены, придет ли кто завтра. Но на следующий день в зале было почти столько же людей, как на воскресном богослужении. Гай был удивлен. Наклонившись ко мне, он прошептал: "Маргарет, я думаю, они просто не поняли, что я имел в виду. Что мне теперь делать?" Я недоуменно пожала плечами, потому что тоже была озадачена.

Гай поднялся с места: "Я не знаю, правильно ли вы меня вчера поняли, что эти занятия не для всех. Они предназначены только для тех, кто хочет следовать за Иисусом Христом. Давайте встанем и споем. И если кто-то из вас неверно понял вчерашнее объявление, то во время пения можно уйти". Мы начали петь, но никто не вышел, все остались на своих местах. Что делать дальше? Мы не могли поверить, что за несколько месяцев работы среди людоедов могли быть достигнуты такие неслыханные результаты.

Гай решил прежде, чем приступить к занятиям, ближе познакомиться с некоторыми из присутствующих. Его особенно заинтересовали высокие африканцы, занявшие передние ряды, которых мы видели в первый раз. Оказалось, что они были из племени сандас, жившего в северной части провинции. Они очень выделялись на фоне своих низкорослых соседей из племени бандас, рост которых не превышал метра пятидесяти. Для нас их появление было полной неожиданностью, потому что мы даже не подозревали, что в округе живут такие рослые африканцы.

Гай подошел и заговорил с ними, и был очень удивлен, что каждый из них засвидетельствовал о своем обращении ко Христу и знал наизусть много стихов из Библии. Наконец, Гай спросил:

- Где находится ваша деревня?

- В лесу, в часе ходьбы от твоего дома, - отвечали великаны.

- Кто же рассказал вам об Иисусе Христе?

- А разве не ты посылал к нам Манангу? Он каждый вечер приходит учить нас.

Гай был поражен: как мог он послать к ним кого-то, если даже не подозревал об их существовании? Гай продолжал задавать вопросы, и в ответ они все время ссылались на Манангу. Большинство из них хорошо понимали, что значит уверовать в Иисуса Христа, раскаяться в своих грехах и получить спасение и жизнь вечную. Мы поняли, что Мананга по своей инициативе приступил к евангелизации, хотя мы только собирались учить новообращенных, как свидетельствовать другим о Христе.

- Да кто же такой этот Мананга? - спросила я у Гая по дороге домой.

- Как, разве ты не знаешь? Тот мальчик, который ежедневно приносит тебе воду и дрова.

- Это тот мальчик?!

Мне трудно было поверить своим ушам! Этот мальчик был самым занятым среди наших работников: он приходил на работу к пяти утра и до шести носил воду. С шести до семи он был на утреннем богослужении. После этого он снова носил воду и рубил дрова до пяти вечера. За водой нужно было идти к ручью, протекавшему далеко от дома. Дрова нужно было принести из лесу. Мы кипятили воду для питья и для приготовления пищи, и для этого нужно было заготовить много дров. Помимо этого, Мананга носил воду для купания. А так как в тропиках очень жарко, мы мылись и купали детей довольно часто. Больше всего нас интересовало как после целого дня работы Мананга успевал еще свидетельствовать? Где он находил время и силы?

На следующий день, когда в 5:30 утра Мананга принес первое ведро воды, я спросила у него:

- Мананга, ты ходишь в деревню племени сандас?

- Да, мама.

- Когда же ты туда ходишь?

- Каждый вечер.

- Но ведь до той деревни нужно идти больше часа, а ты работаешь здесь до самого вечера. Ты не можешь туда добраться до темноты!

- Я иду не по дороге, а через лес - так быстрее. И прихожу туда, когда солнце только начинает садиться. Сначала я их учу, потом мы беседуем, и в полночь я возвращаюсь домой.

Я не могла поверить своим ушам.

- Ты приходишь домой в полночь? Мананга, неужели тебе не страшно?

В этих краях водятся леопарды, гиены, львы, буйволы и ядовитые змеи. В ночное время даже на территории миссионерской станции мы не решались перейти из одной постройки в другую. А Мананга каждый вечер отправлялся в такой дальний путь, чтобы обучить других тому, что сам услышал в течение дня. Я снова спросила:

- Мананга, неужели тебе не страшно?

Он посмотрел на меня с недоумением, а потом сам задал вопрос:

- Мама, разве ты родилась здесь, в Иппи?

- Ты же знаешь, что я родилась не здесь.

- А тебе кто-нибудь рассказывал, какие у людей нашего племени острые зубы?

- Да, мы слышали, что ваше племя съело несколько белых, приехавших сюда до нас.

- Как же вы решились переехать в Иппи с вашими детьми?

- Мы здесь потому что нет другой личности под небом, кроме Иисуса Христа, кто мог бы даровать спасение человеку. Мы верим, что Он умер не только за нас, белых людей, но и за жителей Африки. И мы поселились в Иппи, чтобы рассказать вам о живом Боге.

- Мама, а разве тебе не страшно было ехать в наше племя?

- Нет! Мы знали, что раз Бог посылает нас сюда, Он Сам защитит нас и наших детей.

Я все еще не понимала, к чему он клонит. И тогда Мананга сказал, глядя мне прямо в глаза:

- Мама, ваш Бог - теперь и наш Бог! Он мой Защитник ночью в лесу!

Я услышала в его словах заслуженный упрек. Меня изумило, что этот мальчик, совсем недавно пришедший к Богу, так быстро вырос духовно. Мне вспомнилось, как долго я сама в юности мучилась и сомневалась, прежде чем смогла честно сказать, что Бог стал господином моей жизни. А этот мальчишка из племени людоедов настолько реально воспринял библейские истины, что не побоялся львов и леопардов и ходит в соседнее племя каждый вечер, чтобы рассказать там о живом Боге. И в результате 14 мужчин из племени сандас уверовали в Иисуса Христа и пришли к нам на библейские занятия!

Я во все глаза смотрела на стоявшего передо мной мальчика и думала, как часто мы не отдаем себе отчета, что Евангелие является силой Божией ко спасению ВСЯКОМУ верующему. В тот момент я также осознала, что сама я усваиваю Божьи уроки далеко не так успешно, как этот африканский мальчик. И снова с особой силой я ощутила счастье, что Господь привел меня в эту страну чудес, и мне хотелось до конца своих дней служить Господу в Африке.

Мананга одним из первых откликнулся на предложение Гая начать библейские занятия с теми, кто хочет вести евангелизационную работу среди своего народа. После окончания начатых Гаем годичных курсов мы направили 14 лучших учеников в библейскую школу в Кремпель, где они должны были продолжать учебу. Среди них был Мананга. Перед отправкой в Кремпель Гай собирался сделать двухколесную "пуш-пуш" для жены Мананги Конгасси (Кремпель находился на расстоянии четырехсот километров от нас, добираться туда нужно было пешком, и для женщины, недавно родившей ребенка, это было слишком большое расстояние).

Но Мананга очень удивил нас, сказав:

- Нам не понадобится "пуш-пуш" для Конгасси: она не поедет со мной в Кремпель. Мой брат заберет ее с детьми к себе.

Я в недоумении переспросила:

- Мананга, мне не совсем ясно: что ты собираешься сделать с женой и детьми?

- Мой брат увезет их к себе и позаботится о них, пока я буду учиться, - ответил Мананга.

Согласно обычаям племени бандас, когда в семье рождалась девочка, дяди решали ее судьбу: от них зависело, кому ее отдадут замуж. Едва девочке исполнялось пять лет, дяди получали часть калыма. Несмотря на то, что у Мананги были только мальчики, их дядя согласился взять их под свою опеку чтобы Мананга мог продолжать учебу.

- Где живет твой брат?

- В Бамбари.

- Но послушай, Мананга, как ты можешь отослать жену и мальчиков к брату, а сам поехать учиться? Слово Божие говорит: "Если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот хуже неверного". Какой смысл в том, что ты будешь учиться, как проповедовать другим людям, если сам отдашь детей в семью, где они не услышат Евангелия?

Мананга очень расстроился. И хотя некоторые миссионеры считали, что мы предъявляем к нему слишком высокие требования, мы с мужем были убеждены: жена и дети должны быть с отцом. А если Мананга не мог взять с собой семью и заботиться о них во время учебы, значит, ему не следовало начинать учебу, и возможно, в будущем Господь пошлет для этого более благоприятные возможности. Мы молились, чтобы Господь дал Мананге мудрости в решении этого вопроса.

Через несколько дней Мананга зашел в класс воскресной школы, где я проводила урок с детьми. Он сел в сторонке и стал внимательно слушать. После урока Мананга подошел ко мне с сияющим лицом.

- Мама, мы всей семьей отправляемся в Кремпель, - сказал он.

- Чем вызваны такие перемены? - удивилась я.

- Бог так добр: сегодня Он привел меня в твой класс, и я получил нужный ответ. Теперь все мои сомнения рассеялись!

- Но что же я такое сказала, что помогло разрешить твои проблемы?

- Мне очень понравился стих: "И будет он как дерево, посаженное при потоках вод... лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет". Я стал думать, что деревья, получая воду из почвы, не переживают о том, где им добыть пищу, а растущие у потоков не вянут даже во время засухи. Бог коснулся моего сердца, и я подумал, что мои дети - как листья на дереве, и они не увянут, потому что Бог обещал заботиться о нас.

Итак, Мананга отправился в библейскую школу у со всей семьей. Он обладал простой детской верой, и услышав обетование из Библии, тут же поверил, что Господь позаботится о его семье вдали от дома. И действительно, в течение четырех лет его учебы Бог ежедневно проявлял заботу о них.

Когда они возвратились в Иппи, его семья пережила большое испытание. Жена Мананги родила близнецов. Во многих африканских племенах рождение близнецов расценивалось как проклятие. И хотя Конгасси была христианкой, она очень болезненно восприняла появление двойни. Ей казалось, что Бог поступил несправедливо: она готова была служить Ему, последовала за мужем в библейскую школу, и вот теперь Бог допустил такое несчастье, послав ей близнецов. Конгасси пыталась умирить одного из них голодом. Мне пришлось забрать новорожденных к себе и ухаживать за ними шесть недель, прежде чем вернуть их матери.

Когда Гай решил открыть миссионерскую станцию в Бамбари, он спросил Манангу, не согласится ли тот переехать туда. "Нет!" - ответил он. Мы были очень удивлены его категоричным отказом: Мананга казался нам наиболее подходящим кандидатом для работы в Бамбари, так как он и Конгасси были родом оттуда. Хотя Гай был очень огорчен его отказом, он не стал настаивать, а только сказал. "Хорошо, пусть будет по твоему, но пообещай мне, что будешь продолжать молиться об этом - нужда там большая".

Через несколько дней Мананга постучал к нам в дверь и заявил:

- Я готов ехать в Бамбари!

- Мананга, что заставило тебя согласиться? - спросила я. - Мы не хотим, чтобы ты ехал только потому, что господин Лэйрд попросил тебя. Ты должен поехать, если только уверен в Божьем призыве.

- Да, я понимаю. И теперь все в порядке - я хочу ехать в Бамбари, - сказал он.

- Но почему ты изменил свое решение?

- Мама, неужели ты не помнишь, какой вчера был сильный ветер?

Я вспомнила наше возвращение домой, я была на велосипеде, а Мананга шел пешком. После обеда подул такой сильный ветер, что молодые деревца, посаженные в конце нашего участка, пригибались к земле, а некоторые даже сломались. Мананга указал мне тогда на большое ветвистое дерево на самом вершине горы: несмотря на бурю, это дерево негнулось на ветру.

- Вчера во время бури Бог обратился к моему сердцу: "Мананга, знаешь почему ты не хочешь ехать в Бамбари? Потому что в Иппи жить легче: ты здесь среди христиан, они понимают тебя, никто не презирает тебя за то, что ты растишь близнецов. Но ты должен довериться Мне независимо от того, есть в Бамбари верующие или нет. Ты должен сделать этот шаг! Если ты будешь доверять Мне, то будешь таким же крепким и непоколебимым, как то большое дерево - оно окрепло потому, что в одиночестве противостало всем бурям".

Мананга с семьей переселился в Бамбари. Вначале им с Конгасси было трудно: их положение усугублялось тем, что в той местности жил католический священник - первый африканец в стране, возведенный в священнический сан. Это был корыстный человек: местные жители боялись его и вынуждены были покупать различные побрякушки, которые он им навязывал. Он запрещал людям ходить на богослужения протестантов, и многие страшились ослушаться. Так что вначале Мананга встретился с сильной оппозицией. Но Бог послал к нему ищущие души, и теперь в церкви в Бамбари насчитывается полторы тысячи членов.

Мананга никогда не ждал, чтобы люди пришли к нему, он сам шел к людям. И в этом заключалась одна из причин роста его церкви. Он проповедовал не только в Бамбари, но и в соседних селениях. Одно из таких посещений было особенно успешным, и он решил задержаться там дольше обычного. Это была большая деревня, Мананга проповедовал там несколько раз, и все жители сходились послушать его.

Два пьяницы также пришли посмотреть, по какому случаю собралась такая большая толпа. Пока Мананга проповедовал, эти мужчины сидели тихо, но к концу богослужения они пришли в ярость. Пьяные жестоко избили Манангу, и решив, что он мертв, оттащили на край деревни и бросили на куче пепла. По африканскому обычаю о больных заботились только до тех пор, пока они подавали надежду на выздоровление, а если человек был в безнадежном состоянии, его ночью выносили за деревню и бросали на кучу пепла, а там львы и леопарды доводили дело до конца.

Утром жители деревни обнаружили на куче пепла Манангу: дикие звери не тронули его, хотя он был без сознания. Один из африканцев толкнул его ногой и Мананга, скатившись вниз с холма, пришел в себя и попросил, "отнесите меня домой!" Добросердечные люди отнесли Манангу в больницу в Бамбари.

Когда до нас дошла весть, что Мананга в больнице, мы немедленно отправились навестить его. Врач сказал, что он никогда больше не сможет ходить. Через несколько дней до нас дошла еще более печальная весть, врач поставил диагноз, что поврежден позвоночник, и надежды на выздоровление нет. Больничный администратор предложил: "Забирайте больного домой и постарайтесь облегчить его страдания - он долго не проживет". Услышав об этом, мы поехали за Манангой и привезли его в Иппи. Через дорогу от нашего дома мы построили для него хижину и я каждый день навещала и лечила его.

В то время я занималась с группой новообращенных. Когда кто-то желал присоединиться к нашей группе, я записывала его имя, из какой он деревни, а также спрашивала, от кого он впервые услышал об Иисусе Христе. Более трехсот человек ответили, что им рассказал о Христе больной Мананга.

Подшел срок нашего очередного отпуска в Америке, и мы уезжали из Африки с тяжелым сердцем: Мананга так много потрудился для Господа, а теперь оставался беспомощным инвалидом. Когда через год мы возвратились, то первым, кто нас приветствовал, был Мананга. Он вышел навстречу такой же живой и подвижный, как обычно. По моему лицу текли слезы: трудно было поверить своим глазам!

Мананга объяснил, что произошло: "Вы уехали, и через какое-то время никто уже не сворачивал с дороги в мою хижину, чтобы навестить меня. Тогда я сказал Богу, что не выдержу этого. У меня появилось дерзновение помолиться так: "Ты - Владыка над всем, созданным Тобой! Ты можешь поднять меня на ноги, чтобы я сам мог пойти туда, где есть люди". После этого я поднялся с постели и вот с тех пор хожу!" Позже, когда он захотел взять мой велосипед для поездок по деревням, я сказала:

- Мананга, сама я езжу по горным дорогам взад и вперед, но езда на велосипеде в такую жару отнимает много сил. Не повредит ли это твоему позвоночнику?

Он с удивлением посмотрел на меня:

- Мама, Бог исцелил мой позвоночник. А когда Бог что-то делает, Он доводит дело до конца - у меня такой же здоровый позвоночник, как и у тебя!

Мананга был прав: он продолжал проповедовать по деревням и ездил так много, что за несколько месяцев привел мой велосипед в полную негодность. Но на здоровье его горные поездки не отразились. Как-то мы с Гаем посетили Бриа, небольшой городок на северо-востоке от Иппи, где французский администратор пригласил нас на ужин. После ужина,

когда нам предложили перейти в гостиную, Гай достал Новый Завет и начал беседовать с хозяином. Вскоре оба они стояли на коленях, и администратор в горячей молитве вручил свою жизнь Господу.

Он поднялся с колен, радуясь и благодаря Бога, и удивил нас с Гаем, сказав: "Должен признаться, что своим обращением к Богу во многом обязан Мананге!" И он рассказал, что был главным администратором в Бамбари, когда Манангу принесли в больницу. Узнав от врача, как бесчеловечно был избит Мананга, он приказал разыскать двух пьяниц, совершивших преступление. Солдаты нашли их и привели в Бамбари. Подойдя к постели Мананги, администратор сказал ему:

- Мужчины, избившие тебя, находятся здесь под стражей. Как нам с ними поступить?

- Приведите их сюда - я хочу рассказать им об Иисусе Христе, - ответил Мананга.

Такая просьба удивила администратора.

- Хорошо, - согласился он. - Но, думаю, ты хочешь, чтоб они были наказаны? Ведь они пытались тебя убить, и теперь ты так сильно страдаешь.

- Они были пьяны и не понимали, какое зло делают. Если сейчас они трезвые, разрешите мне поговорить с ними.

Администратор привел преступников к постели Мананги. Он слышал, как Мананга читал им Евангелие и свидетельствовал о Божьей любви. После беседы администратор приказал отвести преступников в тюрьму, а сам по пути домой зашел в миссию, купил Новый Завет и стал читать его каждый день.

"Прежде, чем принять решение, как дальше поступить с преступниками, - рассказывал он нам, - я поехал на место происшествия и расспросил местных жителей о случившемся, чтобы убедиться, что Мананга сам не был виноват в стычке с пьяными. Но с кем бы я ни говорил, я не слышал ничего, кроме похвал в адрес Мананги. После избиения Мананги в этой деревне начали регулярно проходить богослужения, чего раньше не было. В течение всех этих лет я не выпускал Манангу из поля зрения. Как вам известно, африканцы из разных племен часто ненавидят друг друга. Но в каком бы племени я ни спросил о Мананге, никто не мог сказать о нем ничего плохого. И тогда мне стало ясно, какая сила кроется в Евангелии Иисуса Христа. Так что благодаря Мананге я был заранее подготовлен к сегодняшней беседе и решению следовать за Господом.

11. Божья защита

Однажды, когда Гай поехал навестить одного из африканских евангелистов, к нам в дом пришел человек-леопард. Я осталась одна с детьми и среди ночи вдруг услышала во дворе какой-то шум. Прислушавшись, я поняла, что это не тот привычный шум, который поднимался, когда ко мне приносили больного.

Наспех одевшись, я подошла к двери. В окружении четырех мужчин с факелами там стоял вождь соседнего племени по имени Оро. Его племя поклонялось дьяволу. Появление Оро в нашем дворе среди ночи насторожило меня, потому что у нас с ним были серьезные конфликты. Когда мы только переселились в Иппи, у нас как-то исчезла коза. На стене сарая мы обнаружили царапины от когтей леопарда и решили, что коза украдена хищником.

Нас крайне удивило, когда местные жители стали утверждать, что в следующее полнолуние леопард снова утащит козу. Нам это показалось странным: откуда они могли знать, что случится в следующее полнолуние? Неужели леопарды извещали их, когда снова придут в деревню? Африканцев возмущал наш скептицизм. "Вы, белые люди, многого не понимаете! - говорили они. - Один из наших колдунов имеет власть над человеком-леопардом, которого в полнолуние превращает в леопарда, а днем в человека".

Перед наступлением полнолуния Гай начал чистить ружье: он собирался дожидаться леопарда.

- Может, кто-то хочет дежурить вместе со мной?" - спросил он у африканцев, но его предложение привело их в ужас.

- Неужели ты выстрелишь в леопарда?

- Конечно! Если к сараю с козами придет леопард, я его застрелю!

- А что, если это будет ночной леопард, который при свете дня снова превращается в человека?

- Такого не бывает, - сказал Гай.

- Нет, бывает, - настаивали они.

- Я не верю этому! Если я увижу леопарда, то выстрелю в него. Но если это будет человек, то я, конечно же, не стану стрелять.

Весть о том, что Гай в полнолуние намерен охранять сарай, разнеслась по округе. И все-таки человек-леопард дерзнул прийти. Ночью Гай услышал шум и осветил поляну прожектором. Там стоял вождь Оро в наброшенной на плечи леопардовой шкуре. К рукам его были прикреплены когти леопарда. Гай понял, что когда Оро убивал животное, создавалось впечатление, что это сделал леопард. Гай предупредил: "Если ты ближе подойдешь к сараю, я выстрелю!" Оро понял, что Гай не шутит, и ушел: в ту ночь он остался без добычи. После этого в полнолуние в деревне перестали пропадать козы. Но для Оро это было большим унижением, и он возненавидел нас.

Поэтому я была очень встревожена, увидев его у своего дома среди ночи. "Откуда он узнал, что Гая нет, и я осталась с детьми одна? - думала я. - Что мне теперь делать?" Второпях я прошептала: "Господи, защити моих детей!", и открыла дверь. Вождь был вдребезги пьян.

- Я пришел за ключами от вашей машины, - крикнул он, увидев меня.

- Но у меня их нет!

Оро продолжал настаивать:

- Я купил у господина Лэйрда ваш "Форд", и мне нужны ключи. Сейчас же отдай их мне! А если не отдашь, факельщики подожгут крышу твоего дома.

Меня охватил ужас при мысли о том, что произойдет, если нашу соломенную крышу подожгут факелами. Я понимала, что Оро, не задумываясь, отдаст такое приказание.

- Оро, ты же знаешь, что я не вожу автомобиль, - пыталась я уговорить его. - Поэтому мой муж никогда не оставляет мне ключей. Может, он взял их с собой, или оставил где-то в доме - я не знаю.

Но Оро продолжал требовать ключи от "Форда", заявив, что без них не уйдет с веранды нашего дома.

- Хорошо, оставайся и жди возвращения мужа, - вынуждена была согласиться я. - Но тебе придется долго ждать. Может, ты голоден?

С вечера я сварила большую кастрюлю риса, рассчитывая, что оставлю кашу на завтрак для детей, а сама пораньше уйду на работу. Достав рис, я предложила его Оро. Он стал есть. Но рис оказался несовместимым с аррегу, алкогольным напитком, который африканцы готовили сами. У вождя заболел живот, и он стал умолять, чтоб я дала ему лекарство.

- Мама, мне так плохо! - стонал он. - Я не смогу проглотить таблетки, сделай мне укол!

Я поняла, что это может быть спасительным выходом, и ответила.

- Хорошо, Оро! Я сделаю тебе укол.

Я ввела ему успокоительное снотворное, он тут же уснул, а его телохранители отнесли его домой. Так человек-леопард не смог причинить нам вреда - Бог в очередной раз защитил нас.

Мне еще вспоминается, как Господь обеспечил нас скамейками для молитвенного дома. У нас не было денег, чтобы купить скамейки, и африканцы сами придумывали для себя сиденья. В зале тут и там можно было увидеть куски кирпича, пенки от деревьев и другие подобные приспособления. От этого зал выглядел очень неопрятно. Нам так необходимы были скамейки! Приближалось Рождество, и я начала усиленно просить Господа положить на сердце кому-нибудь в Америке послать денежный дар, чтоб мы могли закупить материал и сделать скамейки. Но Рождество прошло, денег никто не прислал, и казалось, наши мечты напрасны.

В начале февраля к нам заехал администратор с новостью, что на следующей неделе в Бамбари планируют провести сельскохозяйственную выставку. Он сообщил, что записал нас в качестве участников и для наших экспонатов выделили два больших стола.

- Зачем вы это сделали? - воскликнула я. - Ведь нам нечего выставлять!

- Госпожа Лэйрд, не прибедняйтесь - мне известно как раз обратное.

Не могла же я признаться администратору что у нас не было денег на поливку огорода, и в период засухи на огороде было пусто. Я сказала только, что если бы выставка была в период дождей, нам было бы что выставить, но сейчас, во время засухи, мы ничего не выращиваем.

- Разрешите мне самому посмотреть, что из ваших припасов подошло бы для выставки, - предложил администратор.

Он зашел в кладовую и вынес оттуда банки с консервированной цветной капустой, горохом, фасолью и другими овощами. В Африке наш образ жизни очень отличался от американского: порой даже в самых будничных вопросах приходилось проявлять большую изобретательность. В основном мы питались тем, что выращивали сами. Я научилась делать муку из сладкой картошки, добавляя туда немного соевой или рисовой муки, и из этой смеси получался вкусный хлеб. Мы пригласили французского администратора остаться на обед, и ему очень понравился испеченный мною хлеб. Он утверждал, что никогда не поверил бы, что из такой смеси может получиться что-то съедобное. Он отобрал для выставки несколько банок консервированных овощей, банку варенья из плодов гуавы и банку апельсинового мармелада. Он также попросил, чтобы я отлила ему уксуса, который я приготовила из ананасов. Уезжая, он попросил: "Пожалуйста, испеките за день до выставки черный хлеб, используя только местные продукты. Мы предложим этот хлеб на пробу всем посетителям выставки. И еще, если можно, сделайте ваши знаменитые конфеты!" Он имел в виду конфеты, которые я делала нашим детям. Дети называли их "криспалет": конфеты были сделаны из воздушной кукурузы и арахиса, опущенных в кипящий мед. Спрессовав эту смесь на большом листе, я разрезала ее на небольшие кусочки.

Наконец, отобрав для выставки все, что ему хотелось, администратор уехал. Он также прихватил сухие початки кукурузы разных сортов, которые мой муж хранил на семена. Гай согласился на это только с тем условием, что после выставки нам возвратят все экспонаты.

В день выставки у меня оказалось слишком много больных, и Гай поехал один. Он долго не возвращался: видимо, выставка затянулась. Под вечер примчался посыльный с вестью, что жюри не может принять определенного решения. "Мама, многие из них не верят, что ты сделала все это своими руками, и просят написать по шесть экземпляров рецептов с описанием процесса приготовления". Рецепты нужно было написать на французском. В тот момент я негодовала на администратора, втянувшего нас в эту историю - у меня и без того дел было невпроворот! Но выхода не было, и я наскоро отпечатала на машинке рецепты и отослала с посыльным.

Вернувшись в тот вечер домой, Гай рассказал: "Представь себе, ты завоевала почти все призы! А вдобавок ко всему мне еще предложили хорошую плату, если я отпечатаю почетные дипломы для участников выставки!" (У Гая был небольшой печатный станок.) Таким образом, полученных нами за выставку денег оказалось достаточно, чтобы поставить скамейки в зале молитвенного дома.

Господь проявлял Свою заботу иногда самыми необычными путями. В то время почта приходила только раз в месяц, и как-то на мое имя поступила бандероль от Эда Маквильямса, подростка из Денвера, родителей которого я знала уже много лет. Эд писал, что пересматривая свои книги, нашел три старых журнала "Ридерз Дайджест", и решил их выбросить. Но потом у него появилась мысль, что Маргарет Лэйрд в Африке они могут показаться новыми. Эд закончил свое письмо так: "Посылаю эти три номера "Ридерз Дайджест" с надеждой, что они доставят вам хоть какое-то удовольствие".

Получив их, я очень обрадовалась: долгое время я не держала в руках журналов с родины! Поздно вечером я принялась за чтение. Меня особенно заинтересовала статья, посвященная проблемам соблюдения техники безопасности на сталелитейных заводах в Янгстауне. Специальный комитет занимался поисками новых методов по предупреждению аварий, так как рабочие часто получали ожоги при работе с горячим металлом. Даже если ожоги были сравнительно небольшими и легко поддавались лечению, пострадавшие часто в первые же часы умирали от болевого шока.

Годами медики экспериментировали с различными препаратами и наконец обнаружили средство, моментально снимающее болевой шок: при сильных ожогах начали применять дубильную кислоту. Читая эту статью, я подумала: "Мне тоже приходится лечить больных с ожогами, но у меня нет дубильной кислоты. Даже моих запасов вазелина часто недостаточно, чтобы смазать обширные ожоги". Дойдя до последнего абзаца, я прочитала: "В тех случаях, когда дубильной кислоты нет, заварите крепкий чай, и пусть пострадавший опустит обожженную часть тела в охлажденную заварку, так как в чае содержится дубильная кислота". "Какой замечательный практический совет!" - подумала я, закрывая журнал и ложась спать.

Возвращаясь из амбулатории на следующий день, я услышала пронзительные крики. Во дворе у нас собралась толпа: принесли парня, пострадавшего от лесного пожара. Позднее он рассказывал, что заметив пожар, сразу понял, что от огня не убежать, так как пламенем была объята огромная площадь сушняка, и бросился пересечь огонь. Хотя это и спасло ему жизнь, он сильно обгорел. Ожоги были у него на груди, на бедрах и на ступнях ног, в некоторых местах даже обнажились ребра, все раны кровоточили, и бедняга кричал от боли.

Сначала я подумала, что при таком обширном ожоге вряд ли можно чем-то помочь, но тут же вспомнила прочитанную вечером статью. Быстро заварив несколько чайников крепкого чая, я вымыла корыто, из которого мы поили коз, и вылила

туда заваренный чай. Когда раствор остыл, мать обгоревшего и другие родственники подняли его и опустили в ванну. Через несколько минут его крики прекратились, он расслабился и уснул.

Я не имела понятия, как долго будет действовать дубильная кислота, содержащаяся в чайной заварке, и на следующее утро отправилась в деревню и закупила у них весь чай, какой только нашелся. Через три дня я решила заварить новый раствор. Мне помогли вынуть больного из корыта, но как только мы сделали это, он снова начал кричать от боли. Заварив новую порцию крепкого чая, мы снова опустили больного в корыто. Так он пролежал в корыте с чаем четыре недели. Все это время я ухаживала за ним. Со временем он полностью выздоровел, и только на груди у африканца кожа была не черной, а розовой.

Примерно через год в нашу дверь постучал какой-то мужчина. Он принес курицу и козу, объяснив, что это подарки для "мамы". Я спросила у него: "Почему ты принес мне эти подарки?" Он молча расстегнул рубашку "Ах, так это ты!" - воскликнула я, узнав шрамы обгоревшего юноши. Мой бывший пациент рассказал, какую милость оказал ему Господь: не только он сам, но и его мать, двое братьев и другие родственники и соседи приняли Иисуса Христа как своего Спасителя, когда он вернулся домой после лечения на миссионерской станции.

Молодой человек научился читать, чтобы самостоятельно изучать Новый Завет. После этого он работал клерком у одного белого человека, который разрешил проводить богослужения у него во дворе. Теперь он пришел, чтобы купить несколько песенников и Новых Заветов. Он ревностно трудился для распространения вести об Иисусе Христе. А я, глядя на него, вспоминала мальчика, приславшего мне из Денвера три старых журнала, и думала, что Господь может использовать самое, казалось бы, незначительное действие, сделанное во имя Его. "Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду" (Иер. 29:11).

12. Всего лишь женщина!

При переправе через реку произошла непредвиденная задержка, и Гаю с группой африканцев пришлось ночевать прямо на берегу, а у них не было с собой накомарников. "За ночь я накормил сотни комаров", - рассказывал мне муж, возвратившись домой. Прошло несколько недель, и он начал ощущать упадок сил, но при этом продолжал работать в прежнем темпе. По моей просьбе друзья трижды возили нас в центральную больницу в Бамбари, но каждый раз врачи ставили один и тот же диагноз: тропическое истощение организма.

Я не доверяла французским врачам: они всегда казались мне мало заинтересованными в состоянии здоровья больного. Ко времени нашего третьего визита к врачу у Гаю симптомы, характерные для "сонной болезни", и попросила врача направить мужа на анализ крови, чтобы проверить, верны ли мои предположения. Врач прощупал у Гаю железки и язвительно заметил: "Ох уж эти медсестры! Ваших знаний хватает только на то, чтобы напрасно поднимать панику Вашему мужу, госпожа Лэйрд, нужен отдых и только отдых, и тогда все станет на свои места. Вы бы лучше уговорили его съездить в отпуск!"

Когда мы возвратились домой, Гай сказал: "Хватит возить меня по врачам! В этом нет смысла: все они повторяют одно и то же!" Но его состояние ухудшалось, и я предложила уехать в Америку, так как нам давно уже был положен отпуск. Муж согласился. Оставив миссионерскую станцию на попечение Мананги, мы выехали в Бангуй. Оттуда мы должны были лететь в Браззавиль на маленьком рейсовом самолете, а из Браззавиля на большом самолете компании Pan-American совершить перелет в США. До этого мы никогда еще не летали на самолете - это был наш первый полет.

Перед отъездом из Бангуй нам нужно было получить справку подтверждающую отсутствие у нас инфекционных заболеваний, в том числе туберкулеза и "сонной болезни". Пришлось снова идти в больницу, где нам не предложили даже сдать анализа крови: осмотр был очень беглым и врач сказал, что у нас обоих образцовое здоровье.

Мы сели в маленький самолет, летевший в Браззавиль. В жизни я не испытывала ничего подобного! Наш самолет швыряло из стороны в сторону, и мы с такой силой ударялись о стенки, что казалось - в один прекрасный момент мы просто вылетим за борт. Мне стало плохо. "Пройдите в хвостовую часть самолета, если вас тошнит, - крикнул пилот, стараясь перекричать шум мотора. - Там есть отверстие: наклонитесь, и все!" Я пыталась пробраться в хвостовую часть, но до отверстия нужно было карабкаться через какие-то мешки и коробки, а я не была альпинистом. Да, это было необычное путешествие! Но зато мы добрались до Браззавиля за шесть часов - непостижимо! Обычно поездка на пароходе длилась две недели.

В миссионерской гостинице не оказалось свободных мест. Хотя места я заказала заранее, но мы прибыли туда на две недели раньше, чем нас ожидали, так как они рассчитывали, что мы прибудем на пароходе. Я стала объяснять, что мой муж очень болен, и мы не в состоянии заниматься поисками другого ночлега. "Если вы согласны спать на матрасах на полу в моем кабинете, можете оставаться", - согласился наконец администратор гостиницы. Мы переночевали в его кабинете. На следующий день я отвезла Гаю в больницу, где работал замечательный врач, которого я глубоко уважала. Начав осмотр, он сказал мне:

- Госпожа Лэйрд, вы - медсестра! Как же вы могли допустить, чтобы болезнь мужа оказалась настолько запущенной?
- Что вы имеете в виду?
- У вашего мужа "сонная болезнь" в тяжелой стадии!
- Как вы могли прийти к этому выводу, даже не сделав анализов? Он был у четырех врачей, и все они считают, что это просто тропическое истощение организма.
- Все симптомы налицо! Хотя, безусловно, я не могу сделать окончательного заключения без анализа крови. Сегодня вам придется провести весь день в лаборатории.

Лабораторные анализы подтвердили диагноз: организм Гаю действительно был поражен этой страшной болезнью. Хотя в больнице не было свободных мест, врач помог устроить Гаю. "Этот человек посвятил всю свою жизнь на служение Богу и африканскому народу. Его необходимо госпитализировать - отыщите для него место", - настоял врач.

Через несколько часов мы уже были в больнице. Больничный врач решил, что болезнь зашла слишком далеко, и прописал лекарство в очень большой дозе. Как правило, французы определяли дозу по весу пациента. В этом случае доза оказалась слишком большой и передозировка вызвала у Гаю анаболический шок. Наступил паралич мозга, и к утру Гай отошел в вечность.

В то время все наши дети учились в Соединенных Штатах, и я почувствовала себя в Африке страшно одинокой. До утра я напряженно думала о случившемся: ведь если бы еще в Бамбари врач добросовестно осмотрел его и послал на анализ

крови, Гая можно было бы вылечить. Безусловно, он был на 13 лет старше меня, и ему исполнился уже шестьдесят один год, но за исключением периодических приступов малярии, он ничем другим не болел.

На пути в Соединенные Штаты после похорон Гая Господь утешил меня через Слово Свое, и я пришла к выводу, что должна воспринимать смерть мужа, как совершившийся факт: Бог ведет нас Своим путем, часто непонятным для нас, и Он допустил смерть Гая. Но меня не оставяла мысль, что у нас на миссионерской станции должен быть врач-христианин, добросовестно исполняющий свои обязанности. Хотя уже в течение двадцати пяти лет мы имели в Иппи амбулаторию, при ней не было врача. Я стала молиться: "Боже, пошли нам в Иппи больницу!"

Прибыв в Соединенные Штаты, я прежде всего поехала в Южную Каролину, где учились в университете наши дети. Я провела с ними несколько недель до конца учебного семестра, а затем все вместе мы поехали в город Кливленд, где находилась контора миссии Baptist Mid-Missions, направившей нас на миссионерское служение в Африке много лет назад. При встрече с руководством миссии я поделилась своими мечтами о постройке больницы в Иппи, которая обслуживала бы население всего края.

Меня очень смутил их ответ: "Маргарет, при всем уважении к вам мы должны откровенно сказать, что вы, вероятно, не имеете ни малейшего представления, какие потребуются деньги, чтобы выстроить в центре Африки современную больницу. А главное - какой толк в больнице, если в ней все равно не будет врачей? Подумайте, чтобы стать врачом, человек должен учиться двенадцать лет! Затратив столько усилий и средств на учебу, врач вряд ли согласится работать на миссионерском поле, где его встретит множество лишений даже в таких сугубо профессиональных вопросах, как оборудование госпиталя или доставка медикаментов". На этом разговор закончился, и мне посоветовали больше этого вопроса не поднимать. Возвратившись в свою комнату, я весь вечер думала: "Неужели я ошиблась в понимании воли Божией в отношении госпиталя в Иппи?" Усиленно молясь, я открыла Библию, и Дух Божий обратил мое внимание на седьмую главу из четвертой книги Царств. Там речь шла о времени, когда народ израильский находился в осаде: сирийская армия окружила город, и израильтяне оказались отрезанными от остального мира. Люди бедствовали, многие умирали от голода. В тот день Бог сказал пророку Елисею: "Передай царю, что завтра в это время мера лучшей муки будет по сиклю, и две меры ячменя по сиклю". Такое заявление казалось полной нелепостью: откуда в осажденном городе, где все запасы давно истощились, могло взяться зерно? Но Елисей пошел к царю и передал то, что было поручено Богом.

Дальше мы читаем о четырех прокаженных, которые решили, не дожидаясь голодной смерти в осажденном городе, пойти к сирийскому стану в поисках еды, даже если сирийцы их за это убьют. К их громадному удивлению, в сирийском стане не оказалось ни одного человека - стан был пуст! И прокаженные после того, как сами утолили голод из оставшихся в стане припасов, возвестили радостную весть своему царю. Тогда царь послал разведку во вражеский стан, и свидетельство прокаженных подтвердилось: в стане не было воинов, а только вещи и продукты, которые сирийцы бросили при поспешном бегстве (Господь сделал так, что им послышался стук колесниц, и они подумали, что на помощь израильтянам пришли другие армии).

Перечитав несколько раз эту главу, я сказала себе: "Бог всесилен! Он смог сделать так, что целой армии послышался стук колесниц и ржание коней, и в результате народ израильский был избавлен от осады. Бог силен и сегодня помочь нам с открытием госпиталя в Иппи, хотя это и кажется невозможным с человеческой точки зрения. И не стоит смущаться от мысли, что я - всего лишь обычная женщина: Господь может употребить меня, как тех прокаженных, которые принесли добрую весть своим соотечественникам".

Так Господь ободрил меня через Слово Свое Душа моя торжествовала, и я спокойно уснула. Утром я сразу же направилась в контору миссии, чтобы рассказать, как Господь утвердил меня в намерении строить больницу. Но руководство, как и прежде, не проявило особого энтузиазма. Тогда я попыталась ухватиться за соломинку - попросила разрешения рассказать об этой нужде в церквях. Они согласились. У меня была еще одна просьба: "Если Бог расположит людей жертвовать на строительство больницы, могу ли я открыть при миссии особый больничный фонд?" Они и на это дали согласие.

Я тут же начала собирать вещи в дорогу: мне не терпелось возвратиться в Денвер, чтобы приступить к сбору средств. К этому времени многие из наших друзей-миссионеров уже знали о смерти Гая. Супруги Варнкины, трудившиеся в Африке по соседству с нами в Бриа, тоже были в отпуске в Америке, и позвонили мне в Кливленд: "Мы очень хотим видеть тебя и детей - не можете ли вы изменить свой маршрут и заехать к нам в Канзас Сити?" Мы с детьми решили принять их приглашение, и встреча со старыми друзьями согрела наши сердца.

Мы остались у них до воскресенья. После утреннего богослужения жена пастора пригласила нас на обед. На свежем воздухе в тени деревьев накрыли два стола. Во время обеда пастор буквально засыпал меня вопросами о служении в Африке. Наконец, он сказал: "Я никогда не слышал ничего подобного! Не согласитесь ли вы сегодня вечером рассказать о служении в Африке нашей молодежи?" Перед вечерним богослужением я встретилась с молодежью, и после моего свидетельства у молодых людей было столько вопросов, что все мы чуть не опоздали на вечернее собрание. Когда я вошла в зал, он был переполнен, и я села в последнем ряду. В конце богослужения, перед заключительной молитвой пастор неожиданно объявил: "Среди нас находится сестра-миссионерка, и мне хотелось бы предоставить ей пять минут - пусть она расскажет нам, что происходит на миссионерском поле в Африке. Я имел возможность поговорить с ней сегодня днем и должен сказать, что никогда в жизни не слышал ничего подобного!"

Я встала. Присутствующие оборачивались назад, вытягивая шеи: я была в самом конце зала и меня трудно было разглядеть. У меня пронеслась мысль: "Всего пять минут? Да возможно ли за пять минут рассказать все, что у меня на сердце?" Но я постаралась уложиться в пять минут. На следующее утро пастор позвонил с просьбой, чтобы перед отъездом я зашла в церковь. В его кабинете собрались диакона. "Мы поняли вчера, что Сам Бог послал вас в нашу церковь, - обратился ко мне пастор. - В нашем распоряжении имеется определенная сумма денег, и сегодня мы хотим сделать первый взнос на строительство больницы в Иппи - 5 тысяч долларов".

С этого момента больница перестала быть всего лишь моей мечтой. А через год, к концу моего пребывания в Америке, она стала вполне достижимой реальностью - денег было достаточно, чтобы приступить к строительству! Помимо этого, у меня было 20 тонн цемента для строительства. О том, как он мне достался, нужно рассказать отдельно. Я обратилась за советом, где мне достать цемент, к старому другу Гая, бизнесмену Клиффорду в Нью-Йорке. Я намерена была пересыпать цемент в железные бочки и отправить кораблем в Африку. Он взялся все устроить, но вагон с цементом прибыл не в понедельник, как мы рассчитывали, а в пятницу вечером. За сутки вагон нужно было разгрузить, но в субботу никто не работал - это был выходной. Господин Клиффорд не мог себе представить, кто бы мог срочно перегрузить вагон цемента в железные бочки.

Он решил предложить своим рабочим двойную оплату за работу в выходной. Но, к сожалению, кому бы он ни звонил в субботу утром, никого не было дома.

Наконец, ему удалось дозвониться до дежурной секретарши, и она рассказала, что большая группа рабочих пришла на завод рано утром. "Не знаю, что они собираются здесь делать, но в разговорах они упоминали о каком-то вагоне, который нужно срочно разгрузить". Господин Клиффорд удивился: как они могли узнать о прибытии вагона с цементом? Приехав туда, он увидел, что рабочие уже разгружают цемент.

- Как быстро все вы откликнулись, узнав о сверхурочном вознаграждении, - с улыбкой заметил он. - Но я понимаю, что разгрузка цемента - это тяжелая грязная работа, да еще в выходной!

- Мы делаем это не за плату - обиженно возразили рабочие. - Мы слышали в церкви доклад госпожи Лэйрд. Если она посвятила жизнь на служение Господу в Африке, то мы можем хотя бы разгрузить цемент для нее. Мы также решили, что как только будет известна дата отъезда госпожи Лэйрд, мы за ночь перевезем бочки с цементом в порт на своих грузовиках и погрузим на корабль, чтоб ей не пришлось платить грузчикам.

Когда господин Клиффорд рассказал мне об этом, я была очень тронута. Благодаря этой помощи рабочих, мне удалось сэкономить более тысячи долларов. Вдобавок к этому господин Клиффорд выписал мне чек ровно на такую же сумму сказав: "Если мои рабочие могли пойти на такую жертву могу ли я оставаться в стороне?" Когда я взяла билет на пароход и оплачивала багаж, мне пришлось доплатить за лишний вес, и сумма оказалась точно такой, как чек господина Клиффорда. Так Бог удивительно обо всем позаботился еще до того, как я успела Его об этом попросить.

За несколько дней до моего отъезда в Африку, когда я уже оплатила свой билет и багаж, мне позвонил один из руководителей миссии:

- Маргарет, я не знаю, как быть, но на этой неделе мы получили несколько срочных телеграмм от наших миссионеров в Африке. Все они не одобряют ваших действий и считают, что неразумно везти из Америки цемент. Они настаивают, что такой большой груз очень сложно будет переправить на север по реке Конго. А в том случае, если груз все же придет в Африку, они предлагают переправлять его не по реке, а по суше.

- Меня удивляет их беспокойство, - возразила я. - Дело в том, что я уже не раз добиралась в Иппи по реке. У меня всегда был большой багаж - в последний раз я везла с собой крупные вещи для других миссионеров. И все дошло благополучно. Не сомневаюсь, что все будет хорошо и на этот раз. Транспортировка груза по реке гораздо дешевле, чем по суше.

- Поступайте, как находите нужным, - согласился руководитель миссии. - Но очень прошу, ведите детальный учет всех расходов: миссионеры настаивают, что везя груз по реке, вы истратите больше денег, чем если переправить его по суше.

Я отплыла из Америки на небольшом бельгийском грузовом судне. Во время плавания через океан времени для молитвы у меня было предостаточно, и я усиленно молилась о Божьей помощи для благополучной доставки груза до конечного пункта. Когда корабль прибыл в Матади, меня встретил один из наших миссионеров. Он был очень пессимистично настроен в отношении строительства больницы, и сразу же высказал мне это. Когда на следующее утро я попросила отвезти меня в порт он наотрез отказался.

- Зачем вам ехать в порт? Надеюсь, не для того, чтобы вернуться в Америку? - поддел он меня.

- Мне бы хотелось заняться отправкой груза в Иппи, - объяснила я.

- Пройдет не меньше трех недель, пока ваш корабль разгрузят! На следующей неделе я сам займусь вашим грузом, а пока у меня есть более важные дела, - резко сказал он, садясь в машину.

Как только его машина скрылась за поворотом, я отправилась в порт пешком. По дороге меня нагнало такси, и я попросила отвезти меня к докам. Работник порта, к которому я обратилась, обошелся со мной довольно грубо: "На каком основании американцы всегда считают, что им подвластны небо и земля? Корабль только вчера прибыл - пройдет, по крайней мере, несколько недель, прежде чем выгрузят ваши вещи!"

Я извинилась, что побеспокоила его, и собиралась уже уходить, но тут к нам подошел помощник капитана нашего корабля. "Простите, а как подписан ваш багаж, под чьей фамилией он идет?" - поинтересовался он. "Под моей фамилией: Лэйрд. Л-Э-Й-Р-Д", - по буквам повторила я. "Интересно, что вчера вечером я все время наткался на ящики с этой фамилией. Занятная история! Послушайте, что произошло: год назад к нам обратился высокопоставленный чиновник из Отрако с заказом привезти ему из Америки автомобиль "Бьюик". Мы выполнили его заказ. Перед нашим очередным рейсом в Америку он позвонил и попросил привезти запасной комплект шин для его автомобиля. Мы согласились. С тех пор каждый раз, встречая меня на улице, он напоминал мне о шинах.

Перед нашим отплытием в Америку чиновник пришел на пристань, чтобы еще раз напомнить о своих шинах. Это начинало уже действовать на нервы. На третий день плавания, когда корабль находился посреди океана, от него поступила радиограмма о шинах. Как только мы пришвартовались в Нью-Йорке, мне принесли телеграмму: "Позаботьтесь о том, чтобы мои шины были загружены в первую очередь". Я так и сделал: загрузил его шины в первую очередь, опустив на самое дно трюма! Потом стал поступать другой груз, в том числе и 28 тонн вашего багажа, и все это мы загрузили сверху на шины. Вчера, как только корабль подошел к пристани, чиновник уже явился за своими шинами. Я объяснил ему, что шины на самом дне трюма и мы доберемся до них не раньше, чем через 2-3 недели. Он вышел из себя.

- Как это понимать? - возмутился он, следуя за мной по пятам. - Мне шины нужны немедленно!

- Вы просили, чтобы шины загрузили в первую очередь. Как видите, вашу просьбу мы в точности выполнили, и шины находятся на дне трюма под тоннами другого багажа.

- Включайте теперь прожектора и разгружайте корабль всю ночь! - распорядился чиновник. - Я должен получить шины к шести утра. Все дополнительные расходы я беру на себя.

Что было делать? Мы начали разгрузку и через несколько часов вся пристань была уставлена вашими бочками с цементом и другим грузом. Начало темнеть, и полицейский предупредил, что, по существующему положению, с набережной все должно быть убрано до наступления ночи. Мы кинулись искать заведующего складом, но рабочий день уже закончился, и склад был закрыт до утра. Я сказал чиновнику:

- К сожалению, мы не сможем добраться до ваших шин, потому что негде складировать багаж, который лежит сверху. Вы сами слышали, что сказал полицейский: становится темно, а мы не имеем права оставить эти вещи на пристани.

- Хорошо, я заплачу за два пустых контейнера: загрузите в них багаж, принадлежащий Лэйрд. А я должен получить мои шины до шести утра!

Так мы и сделали, и продолжали разгрузку чуть ли не до утра. И теперь, госпожа Лэйрд, весь ваш багаж загружен в контейнеры и готов к отправке в Киншасу".

Я была поражена: вот так чудо! Оплатив отправку контейнеров (грузовая баржа должна была уйти на следующий день в шесть часов утра), я возвратилась в дом миссионеров, где остановилась. Там я наскоро собрала свой чемодан и попросила отвезти меня на вокзал к вечернему поезду.

- Никуда вы не поедете, - заявил мне хозяин, - пока не будет разгружен с корабля и оформлен для отправки на барже ваш багаж!

- Завтра утром все 28 тонн моего багажа будут отправлены в Киншасу.

- Не может этого быть! - решительно запротестовал мой собеседник.

На самом деле, было трудно вообразить, что все мои бочки были выгружены и готовы к отправке меньше чем за сутки. Но Богу было угодно, чтобы больница была построена, и Он Сам позаботился о срочной отправке цемента в Иппи. Меня особенно ободряло, что это были не мои, а Божьи действия! Господь знал, что впереди меня ожидало еще немало препятствий: возвратившись в Иппи, я обнаружила, что мои ближайшие сотрудники-миссионеры возражают против строительства больницы. Услышав об этом, я даже заболела. Я мучительно думала: чем вызвано такое непонимание? Бог чудным образом позаботился о финансах на строительство больницы. Кроме того, я привезла с собой 20 тонн цемента и много аппаратуры для будущего госпиталя. Столько чудес и явных ответов на молитвы было явлено Богом! И вот теперь руководство на миссионерском поле настаивало, что если и приступить к строительству больницы, то уж никак не в Иппи, а в Кремпеле.

В конце концов решили обсудить этот вопрос на ежегодной региональной конференции, которая начиналась через семь дней. Я заранее ознакомила исполнительный комитет со всеми деталями проекта, но ни в ком не встретила поддержки. В то время председателем регионального миссионерского совета был господин Розенау, верный служитель Божий. Когда ему предоставили слово, он прочитал из Библии, как Господь призвал Моисея на служение и подчеркнул, что когда Бог намерен совершить что-то великое, Он в первую очередь готовит человека по сердцу Своему, на которого позднее будет возложена большая ответственность. Слушая его, я расстроилась: "Понятно, к чему он ведет: сейчас он сошлется на то, что я - женщина, и вопрос о постройке больницы в Иппи будет закрыт".

Господин Розенау продолжал: "Как я понимаю, все вы пришли к выводу, что больницу и медицинский центр целесообразнее строить в Кремпеле, а не в Иппи, не так ли?" Все согласились. "Хорошо, тогда я задам более конкретные вопросы. Господин Хамман, миссионерская станция в Кремпеле находится под вашим руководством. Представляете ли вы, какую берете на себя ответственность, если больница будет строиться у вас?" И господин Розенау начал перечислять обязанности, о которых этот миссионер даже не подозревал. Затем он спросил:

- Согласны ли вы взять на себя эту ответственность?

- Нет, - ответил господин Хамман.

Господин Розенау задал этот вопрос каждому из присутствующих, но никто не пожелал взять на себя ответственность за строительство больницы. Тогда господин Розенау сказал:

- Из Слова Божьего мы видим, что когда Бог намерен действовать, Он заранее подготавливает нужного человека. Так и в этом случае: Господь возложил бремя заботы о строительстве больницы на Маргарет. Бог использовал ее свидетельство, об этой нужде, когда она была в Америке, и в результате для строительства есть средства. Через нее Бог послал двадцать тонн цемента и восемь тонн оборудования для будущего госпиталя. К тому же, двадцать один год Маргарет была замужем за инженером - это тоже что-то значит! С верой, что Господь поддержит ее и окажет помощь, Маргарет готова взять на себя ответственность за постройку больницы. Учитывая все это, давайте теперь проголосуем, кто будет ответственный за строительство и в каком месте мы начнем строить".

Большинством голосов было решено, что больница будет строиться в Иппи.

13. Орден Почетного Легиона

Строительство нашей больницы в Иппи было завершено в начале пятидесятых годов. К тому времени я уже более тридцати лет провела на миссионерском служении в Африке. Для всех нас, миссионеров, самым значительным событием следующего десятилетия было завершение перевода Библии на язык санго. Хотя перевод Нового Завета был сделан еще в 1935 году, полный перевод Библии был закончен и передан для печати Британскому Библейскому обществу в 1962 году.

К моменту завершения перевода из Парижа прибыла официальная делегация: три католических священника и два представителя из отдела народного просвещения, чтобы предотвратить издание Библии на языке санго. Для исполнения своей миссии прибывшая из Парижа делегация попросила аудиенции с президентом. Видимой стороной всех этих усилий была попытка сохранить французский язык официальным языком в стране. Но мы рассматривали этот наш как очередную атаку со стороны дьявола. Миссионеры затратили столько лет кропотливого труда, чтобы народ мог получить Слово Божие на своем родном языке! И вот теперь представители из Франции пытались наложить запрет на этот проект. Среди африканцев также нашлись люди, считавшие ниже своего достоинства пользоваться родным языком - они настаивали, чтобы преподавание в школах велось только на французском, и требовали принятия соответствующего закона. Казалось, что они добьются своего.

Мы понимали, что если правительство примет такой закон, вряд ли можно будет получить разрешение на распространение Библии на языке санго. Безусловно, можно было продолжать пользоваться Библией на французском, но большинство местного населения владело только языком санго. Мы попросили верующих усиленно молиться о создавшейся ситуации. Когда африканцы поняли, какими могут быть последствия, многие из них начали усердно молиться, в то время как французская делегация вела переговоры с президентом.

Неожиданно в поддержку распространения Библии на языке санго выступил член правительства господин де Джин, занимавший пост государственного секретаря Центральноафриканской Республики. Я хорошо была с ним знакома: много лет назад он преподавал во французской школе в Бриа, и я помогала его жене во время рождения их первого ребенка. Господин де Джин был хорошо знаком с работой, которая велась нами в Иппи. Несмотря на то, что сам он был католиком и не имел расположения к миссионерам-протестантам, он с уважением относился к нам с мужем. На протяжении десятилетий господин де Джин наблюдал за нашей работой и пришел к заключению, что много доброго было сделано миссионерами для его народа, и теперь выступил в нашу защиту.

На заседании Государственной Ассамблеи он предложил: "Господин президент, в зале сегодня присутствует сто человек. Было бы интересно услышать, где каждый из них научился читать и писать, и кто пробудил у него жажду к знаниям?" Один из католических священников, прибывших из Франции, пытался протестовать, заявив, что это не имеет никакого

отношения к возникшей проблеме. Но президент сказал: "Может, вопрос господина де Джин действительно не имеет особого значения, но все-таки интересно проанализировать: в какой школе кто из присутствующих получил начальное образование?"

Когда каждый из членов парламента ответил на заданный вопрос, оказалось: девяносто человек из ста научились читать на миссионерских станциях протестантских миссий, девять посещали государственные школы и один учился при католической миссии. После этого государственный секретарь спросил: "Есть ли необходимость дальнейшего обсуждения этого вопроса?"

Затем, обратившись к делегации из Франции, президент сказал, что, хотя они почетные гости в стране, он не может поддержать их позиции. Распустив заседание Ассамблеи, он вышел из зала. Потерпев поражение, французская делегация в тот же вечер улетела в Париж. Так Бог в очередной раз ответил на молитвы детей Своих, послав выход из, казалось бы, безвыходной ситуации.

С наступлением независимости страны африканские церкви тоже выразили желание выйти из-под опеки зарубежных миссионеров. Меня радовала их позиция: в последнее время я стала замечать, что африканцы высказывают свое мнение намного свободнее и активно берутся за руководство служением. Как-то я присутствовала на их съезде, где они давали оценку работе разных миссий. Я обратила внимание, что обсуждая служение отдельных миссионеров, они подчеркивали как самые ценные качества не выдающиеся организаторские способности или особо красноречивые проповеди, а то, каким этот человек был христианином и как это проявлялось в его каждодневных поступках. Например, давая оценку служению моего покойного мужа, они с благодарностью отмечали не его инженерные проекты и даже не его проповеди, а самые, казалось бы, обыденные моменты повседневной жизни. Слова попросил Мананга, который к тому времени стал уже седовласым патриархом. Он вспомнил время, когда не получал еще регулярной помощи от поместной церкви, а поддерживал семью случайными заработками. Его жена сильно заболела и им нужно было купить хоть немного мяса, чтобы сварить бульон: жена четыре дня ничего не ела и надеялась, что мясной отвар укрепит ее силы. Но с деньгами у них в тот момент было туго. Наконец, жена сказала Мананге:

- Тебе придется сходить к миссионерам и попросить денег, чтобы купить немного мяса.

- Мне не хотелось бы у них просить, они и так уже много помогли нам,- ответил Мананга.

Прошло еще два дня, но без хорошего питания силы женщины не восстанавливались. Набравшись мужества, Мананга решил сказать нам с Гаем, что его больной жене необходимо немного мяса. "К сожалению, у меня тоже сейчас нет денег; - сказал ему Гай. - Но давай посмотрим, чем можно вам помочь". Недолго думая, он подвел Манангу к сараю, вывел оттуда козу, обвязал ей веревкой рога и вручил Мананге веревку, а также вынес из дома немного продуктов. Мананга продолжал свой рассказ: "За деньги, которые я надеялся получить взаймы, я никогда не смог бы купить козу. У господина Лэйрд не было денег но он поделился со мной тем, что имел". Другие африканцы тоже рассказывали подобные истории о миссионерах, и я подумала: как глубоко ошибались те из нас, кто в мелочах не проявлял к африканцам любви Христовой.

В 1952 году французские власти решили наградить меня Орденом Почетного Легиона. Зная, что французы всегда питали некоторую враждебность к американцам, я удивилась, что меня представили к награде. Но меня это очень обрадовало - не столько то, что мне оказывали подобную честь, а как надежда, что это послужит улучшению взаимоотношений между миссионерами и французскими властями.

Мне рассказывали, что когда вопрос о награждении меня орденом обсуждался в официальных кругах, один из французов высказал отрицательное мнение об американцах. Ему напомнили: "Не забывайте, что госпожа Лэйрд тоже американка", на что он, не задумываясь, ответил: "Ничего подобного, теперь она уже на три четверти французка!" А еще один администратор добавил: "Не думаю, что американцы могут претендовать на госпожу Лэйрд. Да и вряд ли найдется другая страна, достаточно просторная для нее: ее гражданство на небесах - это человек, которого трудно привязать к земле".

Для меня такой отзыв со стороны официальных лиц были наилучшим комплиментом: я благодарила Бога, что, живя среди этих людей, могла оставить добрый след. Я хорошо понимала, что не сделала ничего выдающегося. На мой взгляд французы, как и все остальные люди, откликаются на проявленную к ним любовь. И я была благодарна Богу за ТQ что Он мог проявлять Свою любовь к людям через меня.

А в 1959 году я получила еще одну награду: на этот раз от правительства Центральноафриканской Республики. На торжественной церемонии в Бамбари мне вручили особую медаль - наивысшую награду этой страны. Во время торжественной церемонии государственный служащий начал речь такими словами. "Когда я родился, госпожа Лэйрд была тут как тут!" В продолжении речи он вспоминал разные случаи из жизни, каждый раз заканчивая словами. "Госпожа Лэйрд была тут как тут!" Он говорил: "Всем в нашей округе было известно, что если при родах были осложнения, нужно бежать за помощью к госпоже Лэйрд. Когда кто-то из нас был болен, мы посылали за госпожой Лэйрд. Если кто-то нуждался в еде, мы знали, что она никого не отошлет назад с пустыми руками".

Когда меня только собирались представить к награде, президент страны решил лично убедиться, достойна ли я ее. Посетив мой дом с одним из местных администраторов, президент прежде, чем задать мне ряд вопросов, попросил чиновника охарактеризовать мою работу. Администратор начал свой рассказ: "Я вспоминаю те дни, когда был еще ребенком, и мы играли с сыном госпожи Лэйрд. Когда Лоренс забегал в дом, чтобы там что-то взять, он всегда звал и меня. Сначала, входя следом за ним, я боялся, что его белая мать прогонит меня. Но она ни разу не сделала этого. В полдень она давала своим детям по чашке какао и что-нибудь перекусить, и представьте себе, она и меня ни разу не обошла!"

Он рассказывал президенту о подобных мелочах, даже не упомянув о чем-то значительном с моей точки зрения: о строительстве больницы или об основанной мной французской школе. Вместо этого он подробно излагал истории о младенцах, которых я отхаживала и выкармливала, прежде чем передать их на попечение родителям, и другие подобные случаи. Выслушав его и задав мне после этого всего пару вопросов, президент сказал: "Теперь мне все понятно", и в результате, моя кандидатура для награды была им одобрена.

Я думала после той беседы с президентом страны: если бы мы, миссионеры, научились свидетельствовать о Господе с любовью, о которой пишет апостол Иаков, насколько успешней мы исполнили бы волю Божью. Люди только тогда смогут убедиться в искренности миссионеров, если увидят проявление любви в самых обыденных поступках. Вручая мне награду, президент сказал: "Стоит ли много говорить? Я только скажу, что госпожа Лэйрд всегда была для нас, как мать. И мы любим ее, потому что она первой полюбила нас".

Если бы мне предоставили возможность раздавать награды, я составила бы длинный список имен африканских христиан. Трудно выразить словами, как много каждый из них значит для меня! И я не сомневаюсь, что когда Господь будет вручать награды детям Своим, они по праву займут особое место в Его "Небесной галерее героев". На страницах этой книги я расскажу только о восьми христианах-африканцах: это мои герои веры.

Анна, хрупкая арабская женщина невысокого роста, выросла в мусульманской семье. Ее выдали замуж за арабского принца из Иппи. Как-то я заметила, что большая толпа людей движется к нашей больнице. Это был арабский принц со своей свитой, которая несла Анну на постели. Нам рассказали, что два дня назад у нее начались схватки, и хотя к ней призвали знахарей со всей округи, Анна никак не могла родить. Пытаясь ей помочь кустарными методами, знахари страшно искалечили бедняжку: у нее лопнул мочевого пузырь и была разорвана прямая кишка. Анна была в ужасном состоянии.

Осмотрев ее, доктор сказал: "Дайте ей спокойно умереть!" Ребенка извлекли мертвым, а состояние Анны было настолько тяжелым, что нечего было и думать об операции мочевого пузыря и прямой кишки. Мы решили подождать, а тем временем жители арабской деревни сидели у стен больницы с утра до ночи и приносили для Анны столько еды, что ею можно было бы накормить всех пациентов. Но Анна не могла есть.

За ней поручили ухаживать моей дочери Арлин. В один из вечеров она рассказала Анне о любви Иисуса Христа, и Анна уверовала. Эта маленькая хрупкая женщина оказалась очень мужественной: наследующее утро она сказала мужу о переменах, происшедших в ее жизни. И тогда принц, мужчина здорового роста, снял с ноги башмак, плюнул в него и швырнул жене в лицо. Вслед за ним каждый из его подданных, уходя, плевал в Анну и осыпал градом проклятий. После этого вся арабская деревня пиновала: по традиции, такие пиры устраивались в случае смерти членов семьи принца. На этот раз виновницей торжества оказалась Анна: три дня арабы пили и плясали - для них Анна умерла.

Когда Анна немного поправилась, врач сказал ей, что она может идти домой, так как больница была в то время переполнена. Арлин возвратилась в тот день с работы с заплаканными глазами.

- Что случилось? - спросила я.

- Врач сказал Анне идти домой: неужели он не знает, что ей некуда идти? Я узнала, что ее выписали, уже после того, как Анна ушла из больницы. Мама, ты же знаешь, что если она пошла в свою деревню, ее там убьют! Пошли со мной мужчин, мы пойдем ее искать.

Три дня мы разыскивали Анну, но так и не нашли. Потом Арлин вспомнила, что при выписке Анне назначили несколько уколов, и на первый она должна была прийти через три дня. "Может она придет на уколы?" - с надеждой спросила Арлин.

На следующий день в очереди, выстроившейся в ожидании уколов, Арлин увидела Анну.

- Почему ты ничего не сказала мне, когда уходила? - спросила Арлин.

- Ты была занята с больными, и я не хотела тебя отрывать.

Арлин поинтересовались, где же она была эти три дня. Рядом с Анной стояла Абанда, новообращенная африканка, посещавшая мой класс. Абанда сказала: "Я забрала ее к себе!" Я не смогла скрыть удивления, что Абанда пригласила к себе в дом арабку. Абанда поспешила объяснить: "Но мама, ведь ты сама учила нас, что после уверования все мы становимся одним народом Иисуса Христа. Я приняла Иисуса - значит, я принадлежу к Его народу Анна приняла Иисуса - значит, она тоже часть Его народа. Она моя сестра. Я знала, что ей нельзя возвращаться в арабскую деревню, поэтому я взяла ее на спину и отнесла к себе домой. Я ухаживаю за ней".

Анна окрепла, неокончательное выздоровление так и не наступило: она прожила после операции всего два года. Все это время она много свидетельствовала об Иисусе Христе, продолжая жить в доме Абанды. А я, глядя на трогательную дружбу этих двух женщин, не раз думала, что расовые конфликты как в Африке, так и в Америке вряд ли смогут разрешиться при помощи законов об устранении расовых различий. Только когда люди становятся новым творением во Христе Иисусе, эти проблемы разрешаются сами собой.

* * *

Много лет тому назад, еще до моего замужества, почта работала с большими перебоями, и мы получали письма, когда кто-то ехал в город и по дороге заезжал на почту. Как-то раз я решила сходить за почтой сама, а так как дорога в оба конца занимала почти целый день, я отправилась в путь рано утром.

Спускаясь по тропинке, я издали заметила, что по дороге прыгает что-то черное. Мне показалось, что это шимпанзе, и я забеспокоилась: не опасно ли продолжать путь? Помолвившись, я все же решила идти вперед. Вскоре я поняла, что скачущее по дороге существо было мальчишкой лет восьми. "Что с ним?" - подумала я. Он шел странной походкой: то на ребрах ступней, то на пятках, прихрамывая и раскачиваясь из стороны в сторону.

- Балао! (Привет!) - крикнула я.

- У-м-м-м! - раздалось в ответ.

- Балао мингуй! (Сердечный привет!)

- У-м-м-м! - снова промычал он. Поравнявшись с ним, я спросила:

- Как тебя зовут?

- Нгоз-зоу-шеля (Блошиная Нога).

Когда он произнес эти слова, я внимательнее посмотрела на его ноги: одна нога сильно распухла, на второй недоставало трех пальцев, а оставшиеся были покрыты гнойниками. Я решила, что у него проказа. Но оказалось, что причиной всему были крошечные насекомые, проникшие под кожу и откладывавшие там свои яйца в мешочках с ядовитой жидкостью. Когда мешочек разрывался, жидкость, как кислота, разъедала тело, и распространялась инфекция.

- Твои ноги страшно запущены! Почему твоя мать не лечит тебя? - спросила я.

- У меня нет матери.

- Почему отец не обратил на это внимания?

- У меня нет отца, - сказал мальчишка.

- Где же ты живешь?

- Нигде! - ответил он.

- Где же ты берешь еду?

- Везде, где удастся украсть.

Мальчик совершенно не стыдился своего образа жизни! Мне он показался совсем небольшим: лет восьми. Позже я узнала, что он был старше, но из-за постоянного недоедания выглядел младше своего возраста. Не зная, как поступить с ним, я сказала: "Послушай, я - медсестра и умею лечить детей. Иди к моему дому и подожди там, пока я вернусь с почты и полечу твои ноги", - и я указала рукой в направлении нашей станции.

- У-м-м-м! - промычал он в ответ

Мне стало ясно, что мальчишка не собирается идти к моему дому. Я стала мучительно думать, что же делать, и тогда Господь напомнил мне о связке бананов, спелющих у меня на веранде. "У меня на веранде висит связка бананов! Пойди туда и можешь есть, сколько хочешь, пока я вернусь".

Наконец-то он выразил заинтересованность и заковылял в указанном направлении. Тем временем я сходила на почту, но для меня там ничего не оказалось. Возвращаясь домой, я не знала, застану там своего нового знакомого или нет. Подходя к дому, я заметила, что везде валяется банановая кожура: мальчик сидел на веранде и поглощал банан за бананом, уничтожив почти всю связку.

Я вскипятила большую кастрюлю воды, развела марганцовку и начала парить ему ноги. Потом, постелив на колени полотенце, села рядом с ним на пол, поставила его ногу на полотенце и принялась за дело. Процедура была очень болезненной: чтобы не повредить мешочек с жидкостью, я обкалывала кожу вокруг нега а затем, приподняв кожу, удаляла мешочек с яйцами насекомых. Через годы, когда у меня появились свои дети, мне приходилось многократно повторять эту процедуру, и сколько при этом всегда было крику - не передать! Но этот ребенок не издал ни единого звука, и только после часа этой пытки на глазах у него появились слезы. Тогда я решила, что для начала достаточно, и пообещала на следующий день продолжить лечение.

Мальчик остался у меня. Курс лечения растянулся на несколько недель. Я использовала эту возможность для общения со своим пациентом: каждый день я добавляла к рассказу об Иисусе Христе что-то новое. Как-то я спросила у мальчишки, не хочет ли он выучить наизусть несколько стихов из Библии, которые я перевела на его родной язык, но он ничего не ответил. Не обращая на это внимания, я стала учить его, и он заучил наизусть Иоанна 3:16, 3:36, 5:24, Ефессянам 2:8,9 и другие стихи. Иногда мне казалось, что он учит их с удовольствием. Но потом я решила, что он делает это в знак благодарности за то, что я его кормлю.

К концу третьей недели опухоль сошла, и его ноги выглядели здоровыми - на них уже не было гнойников. "Завтра ты сможешь пойти домой, - сказала я ему во время обеда, - но если хочешь, оставайся! Ночевать можно у сторожа, я буду тебя кормить и научу тебя читать. И ты сможешь продолжать ходить на библейские занятия". Мальчик ничего не ответил на мое предложение.

На следующий день его не было на занятиях, и я с огорчением подумала, что он ушел, даже не попрощавшись. Но позже в тот день мальчик появился в моем доме и сказал: "Большое спасибо за все. Я ухожу. До свидания". И ушел. Мне было очень больно: почему он не захотел остаться? Я вспомнила, как однажды, когда я рассказывала ему о Божьей любви, его лицо озарилось светом, и я надеялась, что он принял Иисуса Христа как своего Спасителя. Но теперь он ушел неизвестно куда. Пролетали дни, и о нем не было никаких вестей.

Через несколько недель после этих событий в моем библейском классе появились четыре незнакомые женщины. Я всегда спрашивала у новых посетителей, какой у них шрам, потому что принадлежность к тому или другому племени определялась по шраму: старейшины племени делали на лице новорожденных особый надрез - отличительный знак своего племени. В надрез втирали ядовитую пудру, так что на лице оставался шрам толщиной в палец. Определив, из какого они племени, я продолжала расспрашивать:

- А из какой вы деревни?

Они назвали деревню, находившуюся в двадцати километрах от нашей миссионерской станции. И вдруг одна из женщин спросила меня:

- Скажи, это ты - мама Блошиной Ноги?

- Да, - с изумлением ответила я. - А что, вы его знаете?

Все четыре женщины заговорили наперебой:

- Ты спрашиваешь, знаем ли мы его? Да кто же не знает этого самого пронырливого воришку на свете?

Мне стало не по себе: значит, мальчик снова принялся за воровство.

- Он никогда не оставлял нас в покое, - продолжали свой рассказ женщины. - Дождавшись, пока все уйдут на свои поля, он приходил в нашу деревню воровать еду. Если же кто оказывался дома и прогонял его, то в следующий раз он разбивал в этом доме всю глиняную посуду и кувшины для воды. После его набегов в доме ничего не оставалось целым!

В тех местах не было алюминиевой посуды, а только глиняная. Всякая хорошая хозяйка в Африке всегда имела про запас кувшин воды и дрова, чтобы, возвратившись с поля, сразу же взяться за приготовление обеда. Поэтому мне понятно было негодование хозяек, когда они, возвратившись с поля, находили, что все в доме перевернуто вверх дном, кувшины разбиты, а на полу лужи воды!

- Ты представить себе не можешь, как мы обрадовались, когда в один прекрасный день сорванец исчез и не появлялся несколько недель! - рассказывали женщины. - Мы уже почти забыли о его существовании, но однажды, возвращаясь домой с огородами, увидели его на краю деревни: он сидел под пальмой и, казалось, поджидал нас.

На этот раз женщины решили хорошенько проучить воришку, чтоб он больше не возвращался в деревню. Размахивая палками, они пошли прямо на него, но с удивлением заметили, что он не стал убегать, а стоял неподвижно и ждал.

- Простите меня! - вдруг сказал он.

От удивления пыл у женщин поостыл, они опустили палки и нерешительно спросили:

- Блошиная Нога, это ты?

- Да! Но это раньше я был Блошиной Ногой, а теперь я выздоровел. И еще я уверовал в Иисуса Христа.

- Кто тебя этому научил? - изумились женщины.

Мальчик рассказал им, как он пришел на миссионерскую станцию, как я лечила ему ноги, кормила и заботилась о нем. Затем он сказал:

- Когда я выздоровел, миссионерка сказала, что я могу остаться у них и ходить в школу. Сначала я подумал: как хорошо! Но в тот же вечер, когда я стал на колени и начал молиться, Бог напомнил мне: "Разве ты забыл деревню, в которой выбрасывал из домов дрова, выливал воду и разбивал посуду?" Мне стало очень стыдно за свои прошлые поступки и я

решил возвратиться к вам и попросить прощения. А еще я хочу вам помогать: носить воду и рубить дрова, но при условии, что вы будете кормить меня, а после ужина собираться и слушать, что я буду рассказывать об Иисусе Христе.

Женщины были поражены: слыхано ли, чтобы им, женщинам из племени бандас, кто-то предложил помощь - рубить дрова и носить воду? Они не верили своим ушам! "Оставайся!" - единодушно решили женщины. С тех пор, когда они возвращались с поля, у каждой хозяйки были нарублены дрова и нанована вода - мальчик сдержал свое слово. А после ужина он рассказывал им об Иисусе все, что знал сам, и обучал их стихам из Библии. И вот первые четыре женщины уверовали в Иисуса Христа по свидетельству мальчика и пришли на мой библейский урок.

В течение следующих двух месяцев к ним присоединилось еще 13 женщин из той деревни. Они говорили: "Бог, Который мог изменить такого разбойника, как Блошинная Нога, должен быть сильнее всех богов, которых мы знаем. Нам хочется как можно больше узнать об этом Боге". Так по свидетельству мальчика-сироты в той деревне уверовало 17 человек. Когда я встречаю людей, которые говорят: "Мне хотелось бы заниматься миссионерским служением, я хочу приводить людей ко Христу, но у меня нет образования и необходимой подготовки", - я сразу же вспоминаю о мальчике, прозванном Блошиной Ногой. Какое у него было образование? Какая подготовка? Только большая любовь к Господу и желание всем рассказать о Нем.

Меня поразило еще и то, что хотя я и не говорила ему о необходимости после обращения к Богу воздать добром тем, кому ты причинил ущерб, Дух Господень Сам коснулся его сердца. Мальчик вернулся в свою деревню, и благодаря его свидетельству преобразилась жизнь многих женщин, увидевших происшедшую в нем перемену

* * *

Через несколько лет после того, как у нас уже была больница и свои врачи, мы организовали медицинские курсы, объявив набор среди африканцев. Поначалу казалось, что мы напрасно это затеяли: представьте себе, сколько нужно было затратить усилий, чтобы жители джунглей стали медицинскими работниками! На медицинские курсы в первую очередь зачислялись выпускники библейских школ. Приступая к занятиям по медицине, они обладали только знаниями Библии, и потребовалось немало времени и сил, чтобы убедить их, насколько важна в медицине чистота (не говоря уж о стерильности!)

Но наши первые выпускники Бама и Аджоданга со временем стали замечательными специалистами. Они были такими разными! Флегматичный Бама был прямой противоположностью прямому и вспыльчивому Аджоданги (хотя я должна признать, что всякий раз, когда Аджоданга начинал возмущаться и протестовать, правда была на его стороне).

Прошло время, и оба они успешно закончили медицинские курсы. В тот год нам пришлось на время закрыть больницу, хотя амбулатория продолжала работать. В амбулаторных условиях мы сталкивались с теми же медицинскими проблемами, что и врачи, и только при необходимости хирургического вмешательства направляли пациентов в государственную больницу в Бамбари. Однако при амбулатории можно было оставить только половину медперсонала, работавшего в больнице, и мы решили оставить Аджодангу и африканку-акушерку (нам необходимы были средства для закупки медикаментов, и поэтому зарплату мы могли платить только двоим).

Бама был крайне огорчен, что его не оставили при амбулатории. Я чувствовала, что должна помочь ему найти работу, и без промедления приступила к поискам. Но я предупредила его: "Бама, ты недостаточно хорошо знаешь французский, чтобы работать в государственной больнице". Он возразил, что неплохо знает французский уже сейчас, а в будущем займется языком еще серьезнее. Он попробовал устроиться в Бангае, но там его не приняли в больницу. Тогда я пошла с ним на прием к сенатору и попросила, чтоб ему дали хорошую рекомендацию. Сенатор согласился, и Баму приняли в государственную больницу.

Вначале его направили работать в отдаленную амбулаторию, но через несколько месяцев перевели в одну из главных больниц в Бамбари. Когда главный хирург стал расспрашивать меня о нем, я сказала: "Бама очень исполнительный работник, только вы должны набраться терпения и обстоятельно ему все объяснить, так как я не уверена, насколько хорошо он понимает французский". В конце концов они отлично сработались. Через несколько лет этот хирург уехал в отпуск на родину Другого хирурга в больнице не было, и операции доверили Баме - выпускнику наших медицинских курсов! С тех пор он постоянно оперировал в государственной больнице в Бамбари, и все были довольны его работой.

Один из врачей этой больницы как-то сказал мне: "Вы подготовили замечательного специалиста! К тому же, Бама свидетельствует о Боге каждому пациенту, попадающему к нему на операцию. Прежде, чем больному введут наркоз, Бама всегда старается убедиться, что этот человек знает путь спасения. Мне иногда приходится стоять и слушать, как он читает больным из Библии. Но так как он замечательный хирург, никто не смеет ему возразить. Весь персонал больницы относится к нему с глубоким уважением, и мы вынуждены смиряться с его религиозностью". Слушая его, я думала: какое замечательное свидетельство!

* * *

На протяжении многих лет я вела занятия с новообращенными в Иппи. И хотя это была нелегкая обязанность, я испытывала огромную радость, обучая их Слову Божьему. Главной трудностью было научить их читать, потому что на занятия приходили люди всех возрастов - от детей до их бабушек и дедушек. Особенно сложно было научиться читать людям пожилым, хотя я всячески старалась поощрять их не останавливаться перед трудностями. В одной группе был пожилой мужчина по имени Мако, он слегка хромотал. Хотя Мако усердно занимался, но при чтении вслух казался каким-то рассеянным, у него плохо получалось, и я уже начинала отчаиваться, что он так никогда и не научится читать.

Однажды по ходу урока разговор зашел о диаконах. Так как африканцы питают величайшее уважение к диаконам, я решила перечислить требования, которые предъявляются к ним в Священном Писании. Я сказала, что диакона поставляются не для того, чтобы командовать людьми, но чтобы служить всем, не господствуя над церковью. И я прочитала из послания Иакова: "Чистое и непорочное благочестие пред Богом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неоскверненным от мира" (Иак. 1:27).

После этого я спросила: "Что значит призирать сирот и вдов в их скорбях?" Задавая этот вопрос, я думала о вдове Саре из нашей церкви. Ее привезли в Иппи молодой невестой, здесь она вырастила семью и приняла Иисуса Христа как своего Спасителя. Оставшись вдовой, Сара и думать не хотела о возвращении в родную деревню, находившуюся почти за тысячу километров от Иппи: ей хотелось быть ближе к детям, чтобы дочери тоже приняли Господа.

Я часто общалась с Сарой, она стала моей незаменимой помощницей в амбулатории. На протяжении долгих лет она была нашей акушеркой и, надо сказать, очень хорошей акушеркой. Но теперь Сара совсем состарилась и страдала от ревматизма. Она не в силах была построить себе жилье, хотя ее старый дом уничтожили термиты. Видя ее нужду, я думала: а почему бы не построить кирпичные дома для всех вдов в церкви, о которых некому позаботиться? Поначалу это казалось совершенно неосуществимой затеей: хотя у меня был запас кирпичей, но нужен был алюминий для крыши и другие материалы, а на это требовалась немалая сумма денег.

Тогда я спросила себя: готова ли я довериться Господу ради моих сестер-африканок? Силен Бог помочь или нет? Я вспомнила о британском миссионере Георге Мюллере, который никогда не говорил о своих нуждах людям, а только Богу, и Бог всегда отвечал на его просьбы. Я начала усиленно молиться об этом, и Господь послал средства на строительство домов для вдов. Как счастливы были они, вселяясь в прочные кирпичные дома! Но даже после этого жизнь вдов все же была нелегкой.

И вот теперь, обратившись к классу новообращенных, я спросила: "Когда в последний раз кто-нибудь из вас посетил вдову? Когда в последний раз вы проявили заботу о сиротах? Покупая одежду для своих детей, вспоминаете ли вы детей, о которых некому позаботиться? Задумайтесь над этим: в Евангелии подобная забота о нуждающихся названа истинным благочестием". Затем мы помолились, и я распустила класс.

Через два дня я отправилась в соседнюю деревню навестить одного нашего евангелиста. Подойдя к дому, я заметила, что Мако идет туда с большой вязанкой дров. Трудно было представить, как он умудрился водрузить такой объемистый груз себе на голову! Возле дома Мако снял вязанку с головы и поставил на землю. Тут он увидел меня и очень смутился.

- Что случилось? Почему ты пришел в эту деревню? - спросила я.

- Сегодня я работал у себя на огороде, и Бог сказал мне, чтобы я принес дрова семье евангелиста.

Евангелист поблагодарил его и пригласил в дом. Но Мако ответил:

- Мне некогда сейчас: нужно отнести еще две вязанки вдовам, а после этого я зайду посидеть с вами.

Часа через два он снова зашел во двор евангелиста и в смущении стал рядом со мной (когда африканцы смущены, это можно сразу же заметить: они подгибают большой палец ноги и начинают ковырять им землю). Не поднимая головы, он тихо сказал: "Мама, я благодарен тебе за урок о сиротах и вдовах - я его никогда не забуду". После этих слов Маю еще сильнее смутился, повернулся и убежал со двора.

* * *

В Бамбари среди первых новообращенных была девочка-калека. Она совсем не могла ходить и передвигалась ползком, опираясь на руки и колени. Девочку привлекла доброта евангелиста, собрания которого она начала посещать. Уверовав, девочка начала свидетельствовать другим. Сам вождь племени, к которому она принадлежала, открыто глумившийся над Богом, согласился по просьбе девочки пойти на служение, и там уверовал.

Другие белые рассказывали нам, что видели девочку в разных местах: с Евангелием, висящим у нее на шее, она ползком добиралась от одной деревни к другой, чтобы прочитать из Слова Божьего каждому желающему послушать. Многие удивлялись, как быстро и хорошо она научилась читать. К сожалению, я ничего не знаю о ее дальнейшей судьбе.

* * *

Хочу рассказать еще об одном африканце по имени Паньяка. Он был сыном вождя, получил хорошее образование и относился к числу тех ревностных католиков, которые никогда не показывались на миссионерской станции. Но однажды он так сильно заболел, что совсем не мог дышать, и родственники принесли его ко мне в гамаке. Он был без сознания. Я сразу же определила, что у него двухстороннее воспаление легких и боялась, что не смогу его спасти, так как наши запасы антибиотиков совсем истощились. Паньяка несколько дней ничего не ел и просил об одном: чтобы я прикоснулась к нему, так как считал, что выздоровеет от моего прикосновения. Я объяснила, что не обладаю такой магической силой, но Бог может помочь ему если он обратится к Нему в молитве. Паньяка в ответ выразил такое бурное возмущение, что я подумала, что впервые в жизни встречаю такого дерзкого молодого человека.

При процедурах, когда я делала все возможное, чтобы облегчить ему дыхание, я свидетельствовала Паньяке об Иисусе Христе. Каждый раз он грубо обрывал меня: "Если все это лечение необходимо мне - делайте, что нужно, но придержите язык за зубами! Я пришел к вам за медицинской помощью, а не за тем, чтобы выслушивать ваши нудные речи!" Я не знала, как поступить: много раз я испытывала сильнейшее желание отправить его домой, хотя понимала, что этого нельзя делать. По великой милости Божией, после многих забот и усиленного лечения, Паньяка все же встал на ноги. Во время лечения он не раз убеждался, что Бог проявляет к нему особое милосердие, и его сердце открылось для принятия Евангелия. Паньяка уверовал.

Этот молодой человек очень полюбил Господа. Он хорошо знал французский, и потому мог пользоваться Библией и на французском, и на языке санго, и быстро возрастал духовно. Вскоре белый владелец магазина, у которого работал Паньяка, решил перевести его в другое место, недалеко от Кремпееля, управляющим магазином. Паньяка переселился туда с семьей и стал зарабатывать хорошие деньги, а так как семья у него была небольшая, мы стали каждый месяц получать от Паньяки пожертвования на нашу работу. В первые годы нашего служения не знаю, как бы мы платили своим работникам, если бы не поступала поддержка от Паньяки. После уверования он сразу же начал давать десятину от своих доходов, и часто десятин Паньяки превышала месячный сбор всей общины.

Несколько лет спустя, когда в Кремпеле уже было достаточно хорошо подготовленных проповедников, было решено открыть миссионерскую станцию еще в одном районе. Два миссионера решили предварительно посетить это место. Прибыв туда, они обнаружили общину, в которой большинство верующих уже умели читать и знали много христианских гимнов. Миссионеры подумали, что произошла ошибка, и их направили не в то место.

Руководивший собранием Паньяка пояснил им: "Я засвидетельствовал всем этим людям о Христе. Хотя я не миссионер, а переехал сюда по работе. Но Бог поручил мне здесь служение: я научил своих сыновей читать, и когда 75 жителей этой деревни поверили в Иисуса Христа, мои сыновья стали учить их". Удивительно действует Господь! Миссионеры хотели только еще приступить к работе на новом месте, но обнаружили там существующую уже общину где необходимо было шире разворачивать работу.

Перед Паньякой теперь встала дилемма: отдавать свою десятину в поместную церковь или по-прежнему посылать ее нам? Поскольку там теперь уже была церковь, мы посоветовали ему отдавать десятину на месте. Паньяка решил дать своим

сыновьям хорошее образование в надежде, что они станут трудиться для Господа. Сыновья выросли, получили образование, и двое из них стали медицинскими работниками, а другие двое - учителями, и их служение было большим благословением для всего края.

Когда Паньяка узнал, что мы построили больницу в Иппи, у него появилось желание возвратиться в родные места. Он предложил открыть при больнице магазин, чтобы родственники, сопровождавшие пациентов, не ходили за покупками далеко в город. Паньяка попросил нас выделить ему помещение, где он мог бы хранить рис, бананы, арахис, а также необходимые запасы масла, чая и сахара - товары, которые можно будет продавать пациентам и их родственникам. Помимо работы в магазине, он намерен был проповедовать Евангелие посетителям больницы. Мы согласились, что это замечательная идея, но кто будет все это оплачивать? Он привык к хорошей зарплате, но мы не могли предложить ему такие деньги.

"Если Бог хочет, чтоб я этим занялся, стоит ли переживать о деньгах? Я просто скажу Богу, какие у нас есть нужды", - возразил Паньяка. Что мы могли на это ответить? Паньяка открыл при больнице магазин, и в течение дня его часто можно было видеть в окружении людей, которым он свидетельствовал о Христе.

Вспоминаю чувства, обуревавшие меня в первые дни знакомства с Паньякой, когда я лечила его, а он требовал, чтобы я придерживала свой длинный язык. Как часто в нашем служении Господу мы падаем духом: оскорбления ранят нас, мы предпочитаем иметь дело с себе подобными. Но Божий путь иной: Он хочет, чтобы мы продолжали порученное нам дело и были верными Ему до конца. И как радостно, когда в результате мы видим добрый плод в жизни своих духовных детей!

* * *

Хочу рассказать еще один случай, связанный с Манангой. Произошло это уже после того, как я уехала из Африки. Как-то, получив денежный подарок от друзей, я решила отослать его в Африку Мананге. Поддержка оказалось своевременной и очень обрадовала Манангу. В своем ответном письме он выразил мне признательность, а также огромную благодарность Богу за Его великую верность, которая была проявлена в этом подарке.

В одном из писем я спросила, видится ли он с Паунабой - молодым чиновником из нашей области, который стал одним из ведущих государственных деятелей. Многие годы Мананга проводил богослужения в деревне, из которой Паунаба был родом. Паунаба был один из немногих выходцев той деревни, кто не стал христианином. В письме я напоминала Мананге: "Надеюсь, ты не забыл о Паунабе: несмотря на свой высокий пост, он нуждается в Спасителе. Не забывай молиться о нем и просить Бога, чтобы Он послал тебе возможность еще раз засвидетельствовать Паунабе о Божьей любви".

Получив мое письмо, Мананга в тот же день направился к дому сенатора. Там как раз шло деловое совещание администраторов, которым руководил Паунаба. Войдя в зал, Мананга обратился к Паунабе: "Я только что получил письмо от госпожи Лэйрд, и думаю, всем интересно будет узнать, что она пишет". Паунаба пригласил Манангу остаться. Объявив собравшимся, что заседание на час прерывается, он предложил Мананге сказать короткую проповедь, а потом прочитать письмо, чтобы все могли передать свои приветствия госпоже Лэйрд. Таким образом, Мананга в тот день имел возможность засвидетельствовать и самому Паунабе, и всему его кабинету.

Из скромности в следующем письме ко мне Мананга упомянул только о том, что Паунаба и все администраторы края передают мне привет. Но миссионерка госпожа Сеймор написала мне обо всем, что произошло в тот день, особо подчеркнув, насколько проповедь Мананги тронула сердца министров. И я благодарила Бога, что среди Его последователей есть те, кто по-детски простодушно доверяя Богу, могут зайти в зал заседаний и засвидетельствовать правителям страны евангельскую весть.

Господь много раз проявлял особую заботу о Мананге. Однажды он задержался после воскресного богослужения в какой-то деревне и возвращался домой в кромешной темноте. Недалеко от миссионерской станции на него напал буйвол. Мананга закричал и успел вскарабкаться на дерево, но не смог удержаться и упал на землю прямо перед буйволом. Ожидая смерти, Мананга закрыл глаза. Но буйвол только фыркнул ему в лицо, развернулся и побежал в лес. Крики Мананги услышали на миссионерской станции, и к месту происшествия уже бежали люди с факелами в руках. Они ожидали увидеть останки пострадавшего и были очень удивлены, обнаружив целого и невредимого Манангу. Падая с дерева, он только слегка ободрал кожу на ноге.

* * *

Борато был пастором в деревне в шестнадцати километрах от Иппи. Он несколько раз терял сознание, и врачи решили оставить его на миссионерской станции для установления диагноза. Так Борато очутился в Иппи. Он очень любил Господа и совсем не щадил себя. По воскресеньям он ходил в разные деревни, где не было верующих, и проповедовал тем, кто иначе не услышал бы евангельской вести.

В одно из воскресений Борато решил посетить верующих в своей родной деревне. Отправившись в путь рано утром, он целый день ничего не ел. Для африканцев в этом не было ничего необычного: утром они уходили на работу без завтрака и ели только вечером, по возвращении с работы. Когда Борато прибыл на богослужение, никто даже не подумал, что он, проехав большое расстояние на велосипеде, должен был сразу же поесть. Если бы он попросил какой-нибудь простой пищи, то не причинил бы особенных хлопот, но он решил не обременять хозяев и после собрания отправился в обратный путь, так ничего и не поев.

По дороге домой Борато попал под проливной дождь и насквозь промок. Совершенно обессилев, он потерял сознание на окраине Иппи и упал с велосипеда в канаву. Но Бог не оставил его: недалеко от того места, где Борато упал с велосипеда, жил ревностный молодой христианин, который поднял его, занес в свой дом, а сам сел на велосипед, поехал на нашу миссионерскую станцию и обратился ко мне за помощью.

Я как раз ужинала с гостями. Одна из девушек, посетивших меня, приехала на машине, и я попросила, чтоб она отвезла меня к Борато. Когда мы приехали, он все еще был без сознания, и мы общими усилиями уложили его на заднее сиденье автомобиля. В дороге он пришел в себя. Подъехав к моему дому, мы помогли ему зайти в комнату и уложили на диван. Борато дрожал от холода. Отыскав шерстяное одеяло, я укрыла его и напоила горячим кофе, надеясь, что ему станет лучше. После этого я начала расспрашивать, что случилось. Он сказал, что не помнит, как все произошло. На следующий день, проделав множество анализов, мы определили, что у него диабет. Он трудился в крайне напряженном ритме, затрачивая массу сил и энергии, и при этом жил впроголодь. Пища, которую он ел, на 99% состояла из крахмала, а человек, больной диабетом, не может выжить на такой диете.

Борато был отцом шестерых детей, его семья жила очень скромно. Теперь Борато должен был регулярно принимать инсулин, чтобы сахар в крови не поднимался выше определенного уровня, и Бог послал средства на лекарства. Когда был поставлен диагноз, у Борато были все основания сидеть дома и заниматься своим здоровьем, посвятив все время огороду или другой посильной работе, чтобы заработать достаточно денег и иметь возможность лучше питаться. Но Борато доверился Богу и продолжал трудиться в Его винограднике. А Господь помог мне найти средства, чтобы регулярно снабжать Борато молоком и мясом.

Когда я вспоминаю, что ради распространения благовести об Иисусе Христе эти африканцы готовы на любые жертвы, потому что Господь бесконечно дорог им, мое сердце переполняется любовью и глубоким уважением к ним. Я рассказала здесь только о некоторых, хотя могла бы назвать сотни имен: о жизни каждого из этих героев веры можно написать отдельную книгу. И хотя в большинстве случаев даже за пределами их родной деревни о них никто не знает ободряет то, что имена их записаны в Книге Жизни, и у Господа не останется без внимания ни одно проявление жертвенного служения. "Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл ваше дело веры и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послуживши и служа святым" (Евр. 6:10).

У меня перед глазами встают лица сотен христиан Африки, которые примером своей жизни вдохновляли меня не отступать перед трудностями, но всегда стремиться к намеченной Богом цели. От них я многому научилась. Мне бесконечно дорого, что многие десятилетия я была "Ко-о-та кота мама" для моих африканских друзей. И теперь, когда жизнь моя подходит к закату, я с радостью ожидаю встречи с ними в вечности перед лицом Господа.

Издано Русской миссией благовестия